

СТРЕЛА ВРЕМЕНИ

ГЕНРИ ЛАЙОН
ОЛДИ
АНДРЕЙ
ВАЛЕНТИНОВ

НАМ ЗДЕСЬ ЖИТЬ

Книга первая
АРМАГЕДДОН
БЫЛ ВЧЕРА

ФУТУРИСТИЧЕСКАЯ ФЭНТЕЗИ

ЭКСМО

Генри Лайон Олди
Андрей Валентинов
Армагеддон был вчера
Серия «Нам здесь жить», книга 1

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=121477
Армагеддон был вчера: ЭКСМО-Пресс; Москва; 1999
ISBN 5-04-001669-7*

Аннотация

Белые буквы барашками бегут по голубизне экрана, врываются в городскую квартиру архары – спецназовцы, ловят убийц Первач-псы, они же «Егорьева стая», они же «психоз святого Георгия», дымятся на газовых конфорках – «алтарках» приношения утопцам и исчезникам, и звучит в эфире срывающийся вопль: «Всем! Всем, кто нас слышит! Мы – Город, мы гибнем!...»

Удивительное соавторство Г.Л. Олди и Андрея Валентинова – и удивительный роман «Нам здесь жить», где играют в пятнашки быль и небыль...

Содержание

Вместо предисловия	4
Пролог	18
Книга первая	24
Часть первая	25
Среда,	25
Суббота,	93
Конец ознакомительного фрагмента.	120

Генри Лайон Олди, Андрей Валентинов Армагеддон был вчера

*Миру – мир!
(из лозунгов)*

Вместо предисловия Вторник, тринадцатое июня или Олди имеют пару слов

*Нам не дано предугадать,
Как наше слово отзовется...*

Ф. Тютчев

Это было недавно; это было давно, очень давно, потому что год жизни в эпоху перемен считается не за два, не за три... он просто считается.

На дворе бродил весенний 1995-й, превращаясь из суслы в легкое, чуть-чуть кисловатое вино. До бума на фантасти-

ку отечественного разлива, когда народ не Говарда и не Желязны умного – Лукьяненко с Дяченками с базара понесет; до сладостной осени 1996-го оставалась целая вечность. До статей в «Литературной газете» и журнале «Арт-Лайн», до дифирамбов и ушатов помоев, до целой вереницы кризисов и взлетов, конвентов и форумов...

Впрочем, за окном стоял март, любимый месяц Олдей, в котором оба соавтора умудрились родиться под одним и тем же знаком Овна, то бишь барана, годного в равной степени на шашлыки и Золотое Руно. Небо голубело себе помаленьку, коты орали на крышах, взыскаю любви, а мы удирали от забот домашних в далекую Элладу XIII-го века до нашей эры, начиная книгу «Герой должен быть один».

На бумаге в клеточку, шариковой ручкой, и лишь иногда – с помощью вручную собранного одним из наших друзей компьютера «Специалист», подлого агрегата ударно-нажимного действия.

Компьютера мы боялись – он имел свойство самовольно стирать эпизоды, противоречащие его электронно-эстетическим взглядам.

Вот тогда-то, поперек всей работы, и родился кусок текста, который вы сейчас имеете удовольствие (или неудовольствие) держать в руках. Он не имел ничего общего с ахейцами в бронзовых шлемах (что мы Гекубе, и что нам Гекуба?!); он пришел сам, нагло расположившись в мозгах и душах, как у себя дома; он возник сразу и надолго, для перво-

го знакомства обозвав сам себя условным названием «Город наизнанку». Если кто-то не верит, если сочтет эту честную исповедь блефом, творческой шуткой авторов-мистификаторов – пусть достанет (купит, найдет, выпросит почитать... необходимое вписать самостоятельно) первое, барнаульское издание «Героя...». Где в предисловии, положив руку на сердце, однозначно заявлено:

– Действие романа, которым сейчас забавляется юный шалун Олди, будет развиваться в середине двадцать первого века. Впрочем, это будущее не назовешь отдаленным, а сам роман не назовешь ни фэнтези, ни научной фантастикой. Все в нем шиворот-навыворот: на ритуальной конфорке газовой плиты возносятся жертвы водопроводным божествам, двухколесные кентавры доводят гоппитов из ГАИ до инфаркта, город мало-помалу восстанавливается после катаклизмов Большой Игрушечной войны...

Мы были тогда искренне уверены, что в самом ближайшем времени... увы, благими намерениями вымощена дорога в одно, не шибко приятное, место.

Текст возник, обосновался – и не пошел.

Замерз, прочно упершись в глухую стену.

Ну не получалось у нас, никак не получалось писать два романа одновременно – не получалось настолько, что мы даже сгоряча, в порыве вдохновения (никогда, никогда не принимайте решений в порыве!) решили: «Город наизнанку» станет продолжением (чуть ли не третьей книгой!) «Ге-

роя...». Не случайно ведь все в том же барнаульском издании в финале стоит не «КОНЕЦ», а «КОНЕЦ ВТОРОЙ КНИГИ». Боги Эллады и сопредельных территорий, внимайте! – мы честно уверяли себя, что будет и третья! Этакий «Герой должен быть один-два». Мудрый дядюшка-Аид пытается противостоять надвигающемуся Армагеддону ахейскими методами, устраивает очередную «операцию по пересадке душ» – и столь полюбившиеся нам герои (Алкид с Ификлом и, конечно же, их отец Амфитрион) обретают новую жизнь, оказываясь на нашей грешной земле образца XXI века, дабы противостоять легионам самого Сатаны! Для начала мы решили закончить древнегреческую часть романа, подвести итог – и уж потом, собравшись с мыслями и силами...

Верую, ибо нелепо; а также – суждены нам благие порывы.

Мы сосредоточились на «Герое...», которого писать в итоге пришлось почти год в четыре руки; а о времени, понадобившемся на предварительную проработку материала, и говорить-то боязно. Роман закончился, был издан два раза подряд, потом еще разок переиздан... и продолжаться отказался наотрез.

Герой все-таки должен быть один.

Добавим лишь: именно тогда, когда мы разрывались между «Героем...» и «Городом...», произошло одно важное, не побоимся этого слова – историческое – знакомство.

Смеетесь? Зря – потому что наш новый знакомый оказался не только коллегой-фантастом, не только земляком-харь-

ковчанином, но и кандидатом исторических наук, доцентом университета.

Как вы уже, наверное, догадались, речь идет об Андрее Валентинове, у коего на настоящий момент вышло полтора десятка авторских книг, написанных большей частью в редком жанре «криптоистории», который Валентинов в значительной мере сам и создал. В принципе, жанр этот можно считать одной из разновидностей исторической фантастики: этакий странный сплав «*Fantasy*», НФ, «альтернативной истории», мистики, истории реальной, детектива и еще много чего...

Впрочем, мы отвлеклись. На тот момент Андрей еще был никому не известным автором, а из публикаций за ним числились лишь научные статьи.

Зато, как вскоре выяснилось, диссертацию Андрей защищал как раз по античности, причем специализировался именно на интересующей нас крито-микенской культуре того самого периода, в котором происходило действие нашего «Героя...». Так что в итоге Валентинов сильно помог нам и литературой, и консультациями. Мы же, в перерывах между написанием очередных глав «Героя...», запоем читали его романы – тогда еще в исчерканных вдоль и поперек машинописных распечатках – критикуя, редактируя и споря до хрипоты...

Господа, кстати, как вам еще одно «историческое» совпадение – родиться Андрей Валентинов ухитрился тоже во

второй половине марта, в День Парижской Коммуны.

Случайно ли?!

Итак, знакомство состоялось, роман понемногу двигался вперед – и в конце 1995-го года был благополучно завершен. Взяв новогодний тайм-аут и честно отгуляв праздники, со второй половины января нового, 1996-го года, мы единогласно постановили: беремся за отложенный до поры до времени «Город наизнанку»! Пришла, наконец, пора выпить холодного...

Пора-то, конечно, пришла – но разве что пора еще немного побиться головой о приснопамятную стенку. Текст ухмылялся и прирастал огрызками. Персонажи ожили, организовали подпольное сопротивление, по-партизански закладывали мины под рельсы фабулы, пуская под откос целые главы; и, что самое главное, готовы были умереть, лишь бы не примерять греческие хитоны и гиматии. Если гайшники поначалу согласились называться гоплитами (знали, зар-разы, что согласие притворное!), кентавры прижились сразу – то всякие там эринии, нимфы и сатиры в упор не желали вселяться в наш Город. Реальность пружинила, категорически боясь данайцев, дары приносящих! Да и былой сюжет начал скабрезно подмигивать банальностями: Восставшие из Ада против Князя Тьмы!

Тошно, господа.

Скучно.

Тупик.

И мы снова отложили ма-ахонький кусочек готового текста до лучших времен – а сами уселись воспитывать «Пасынков Восьмой Заповеди».

А где-то наш Валентинов? Валентинов, ау?! Оказывается, Андрей тоже времени даром не терял: наконец-то его произведениями заинтересовались издатели (да еще как заинтересовались, пришлось чуть ли не аукцион устраивать!), в очередном выпуске серии «Перекресток» вышел его роман «Преступившие», а сам доцент-историк тем временем трудился над «Овернским клириком» – одним из его лучших произведений, опубликованных на сегодняшний день.

Но вернемся к нашим баранам, то бишь к Олдиям-Овнам.

Закончив «Пасынков...», мы с некоторой опаской покосились на коварный задел «Города...», внесли в него двести малозначащие правки и... спрятали в долгий ящик. Любовь не складывалась. Отказываться от замысла мы не собирались, да и не имели такой возможности – герои успели ожить, бродя по комнатам наших квартир, буяня в пьяном виде и настоятельно требуя продолжения – но... потом.

Нас уже ждал «Мессия...» (который очищает диск). И мы сбежали от назойливых «персонажей в поисках автора» в Поднебесную XV-го века (нашей, теперь уже точно нашей!) эры.

Но там, за спиной, вместе с вредным Хайнлайном, считавшим одним из признаков профессионализма умение *обязательно* доводить рукописи до конца, все равно маячил

беспокойный призрак неправильного, сюрреалистического, требующего нашей крови «Города наизнанку».

Шло время, год шел за два или за три, вскипел океанским цунами долгожданный бум отечественной фантастики, и мы, и Андрей наконец обзавелись нормальными компьютерами, понемногу к ним привыкнув; выходили книги, вручались премии, коллеги-фантасты вкупе с нами, грешными, жарко спорили на конвентах о перспективах развития любимого жанра – а «Город...» все ждал своего часа. Регулярно мы возвращались к нему, чтобы один абзац дописать, а другой вымарать – и вновь уткнуться лбом в стену бессилия.

Текст не давался.

Конец 1996 года. Только что завершен роман «Дайте им умереть». Вещь для нас (для нас образца 1996-го!) весьма неожиданная, болезненная, писать которую было мучительно и чудесно, страшно и празднично... мы и сами-то не заметили, как отложенный в долгий ящик «Город...» ассоциативно замаячил за спиной. И вдруг – словно некий «прокол сути»! Выплеск брошенного на произвол судьбы текста, взрыв незавершенной сюжетной линии, да еще и второстепенной, обрывок в квадрате: островок Стрим-Айленд у побережья Южной Каролины, старый выходец с Фиджи, акулий бог Н'даку-ванга, его мистическая связь с юношей-эмигрантом, кровавая развязка... Повесть «Вложить душу». Словно плотная завеса приоткрылась на миг – и это было все, что мы успели разглядеть за ней. Повесть ушла в печать

лишь по одной причине: на тот момент мы были втайне уверены, что «Городу...» не быть никогда. Король умер, не родившись; да здравствует король! Почему же не высказаться хотя бы вполголоса, шепотом, если на большее не хватило пороху?..

Если б еще знать самим, из каких дебрей подсознания явилась финальная фраза повести, парус на горизонте:

«И почти никто еще не понимал, что это – только начало.»

Но, опять же, всему свое время.

Год 1997-ой.

Весна. Опять весна. Пора безумства котов и эпидемии дней рожденья (вы ведь еще помните, что Олди и Валентинов родились именно в этом месяце?!). Уже почти год, как у нас с Андреем появилась идея: сообразить что-нибудь «на троих». Идея в достаточной мере абстрактная. У каждого хватало своих собственных проектов. Идею отложили до поры до времени. Но той памятной весной...

«Вот кусок текста. Три с хвостиком листа. Никак не можем продолжить. Уперлись. Прочти. Увидишь брешь – будем писать вместе».

Андрей объявился дней через десять.

И выдал.

Мы переглянулись и поняли: плотина наконец прорвана, и хорошо бы не утонуть в начавшемся половодье. Впереди замаячил свет в конце тоннеля, который, правда, вполне мог оказаться фарами встречного поезда. Опять же, попытка ре-

ально сотворить из трех человек (и двух авторов) некоего общего голема, с общей манерой и общим литературным языком – дело заведомо безнадежное. Вспоминалась незабвенная телега, в которую впрячь не можно коня и трепетную лань, а также лебедя, рака и щуку... Притирка требует долгого, очень долгого времени, это мы успели испытать на собственной шкуре. И здесь опять вмешалась судьба.

Симпатичный издатель из Прибалтики, обладатель элегантной бородки и ироничных глаз, предложил издать часть книг Олди на литовском языке (забегая вперед, скажем: свое обещание он выполнил и продолжает выполнять). Подписывая договор, мы обратили внимание на красный цвет печати и название издательства: «*Pragaro ratai*».

– Что бы это значило? – безобидно поинтересовались мы хором.

– Круги Ада, – улыбнулся издатель, вздергивая бровь. – Нет, нет, не беспокойтесь, кровью подписываться не обязательно...

На обратном пути из чужих пенат в родной Харьков мы подумали: круги литературного Ада или хотя бы Чистилища – смотреть, как некто творит с твоим миром и героями свою мистерию, и знать, что вмешаться ты сможешь лишь после того, как тебе на время уступят место.

В очередь, сукины дети-демиурги, в очередь!

Так родилась идея: не смешивать манеры (бессмысленно и пагубно!), не усреднять язык (гильотина – не средство от

насморка!), вообще не подстраиваться друг под друга (что, гордые, да?!) – а писать крупными частями, от лица разных героев, имея общими только стратегическое пространство и идею.

Для начала предложили Андрею сотворить свою часть «нетленки» – Олди свою, как говорилось ранее, написали черт знает когда. Однако и у Валентинова, и у нас в то время шла работа над сольными романами. «Пусть пока поварится в голове. Вот закончу свое – тогда и засяду», – решил педантичный историк.

Закончил.

Засел.

И уперся лбом в нашу старую знакомую стенку!

Текст не пошел, словно заколдованный.

Время от времени мы встречались, обговаривали пришедшие в голову варианты (которых с избытком могло хватить на полное собрание сочинений!), прикидывали, примерялись, кипятились и спорили – и расходились в унынии. Мы продолжали писать «Черного Баламута», отнимавшего все силы без остатка, Андрей – очень трудно дававшуюся ему «Печать на сердце твоём»; а «Город...» все ждал.

Знал, умница, – дождется.

Весна 1998-го года.

Только что отшумел «Интерпресскон», мы вернулись в родной Харьков; Андрей начал делать первые наброски к новому роману, мы тоже без дела не сидели – писать начали

еще до конвента, задел был – садись да продолжай! Что писать – известно, подробно обговорено на несколько ходов вперед и даже поделено...

И вдруг вопрос встал лезвием у горла: откладываем все в сторону и пишем «Город...»! Немедленно, без экивоков и творческих депрессий; сегодня и сейчас!

Час мужества пробил на наших часах; шаги Командора гулко отдались на нашей лестнице; текст проснулся от спячки и взял нас за шкуру.

Новое название родилось спонтанно: «Нам здесь жить». Сам собой вплелся в ткань повествования давно придуманный образ «Легатов Печатей», все разрозненные куски встали на свои места, вынырнул из атлантических далей уже почти забытой к тому времени повестушки зубастый Н'даку-ванга – и мы, все трое, вцепились в работу, как оголодавшие псы в овечью требуху.

Сами собой ушли в небытие гоплиты и эринии, нимфы и сатиры... удивительное дело: зато двухколесные кентавры остались! И только возмущались время от времени, когда какой-нибудь герой-славянофил обзывал их «китоврасами»: «...Сам ты китоврас, и все вы там китоврасы!..»

Белые буквы барашками бежали по голубому экрану, выстраиваясь в строки, абзацы, главы, врывались в городскую квартиру архары-спецназовцы, резал океанские дали треугольный плавник, дымились приношения на жертвенных конфорках-«алтарках» газовых плит, об урожай огурцов мо-

лились равноапостольному царю Константину, а о покровительстве льноводам – равноапостольной царице Елене; упорно раскручивала запутанную нить невероятных, невозможных даже в этой сдвинутой реальности событий старший следователь городской прокуратуры Эра Игнатьевна Гизело – а мы работали запоем.

Что называется, пили горькую.

Круги Ада заворачивались спиралью, но когда мы наконец увидели, как обретает плоть голый до поры до времени скелет книги, как разноцветные черепки начинают складываться в единственно правильный, законченный узор... Мы уже жили этим текстом, при встречах то и дело пересыпая речь любимыми словечками своих героев, шутили так, как могли бы шутить *они*; и когда во время работы пару раз отключали электричество, первой мыслью было: «Где тут у меня булка и постное масло? Сейчас воскамлаю – и все работает!»

Наверное, только сейчас, когда роман завершен, мы можем наконец вынырнуть из пучины текста и взглянуть на него чуть со стороны. О чем эта книга? Нет, мы не будем отвечать на этот вопрос. Не умеем, даже никогда и не пытались.

И все же...

Конец второго тысячелетия – а тут, как грибы после дождя, расплодились секты и конфессии, религиозные и эзотерические общества. По улицам нестройными толпами бро-

дят старейшины мормонов, свидетели Иеговы, шейхи и пасторы, батюшки и матушки, вайшnavы, гуру и дзэн-патриархи, бабаисты-новоделы и хасидские ребе! – причем любой святее Папы Римского, Вселенского Патриарха, Любавичского ребе, а также Кришны, Будды и Магомета! Повальный интерес к эзотерике, ясновидению, парапсихологии, черной и белой магии, спиритизму, астрологии; соберись втроем выпить водки – один колдун, второй хиромант, третий по материнской линии народный целитель, а по отцовской – записной ведьмак!

И, наконец, то, что куда ближе нам, как писателям-фантастам: откуда эта волна интереса к *Fantasy* с мистикой-хоррором, при однозначном падении спроса на «старую добрую» научную фантастику? Можно сколько угодно стенать по этому поводу, но факты – вещь упрямая...

Возможно, мы просто уже живем с вами в совершенно новом мире, в совершенно новой реальности, где прежние правды лгут, бывшие ответы издеваются, а вчерашние сказки приходят и располагаются, как у себя дома.

Будем спорить?

Не будем?

Промолчим?..

Армагеддон был вчера.

Генри Лайон Олди

Пролог

Выстрелы только что отгремели. Негромкие, больше похожие на хлопки, они никого не напугали – в пустом, зияющем выбитыми окнами городе, почти не осталось людей.

Живых.

Живые уходили на юг – пешком, цепляясь за поручни автобусов, держась за борта буксующих в ранней мартовской распутице грузовиков. Люди еще не знали, не успели понять, что сила, убивавшая Город вакуумными бомбами, сжигавшая его термитными снарядами, сгинула сама, превратясь в черную спекшуюся гарь и оплавленный металлолом.

Город – дома, кварталы, улицы – уцелел. Земля выстояла. Не выдержало небо, но живых, способных увидеть это, отучили смотреть вверх с праздным любопытством, а мертвым небо было уже ни к чему.

Здесь, на огромном, заваленном обезображенными обломками пустыре, погибли еще не все. Бензин, вылившийся из разорванного в клочья вертолетного бака, догорал, оставляя после себя липкую жирную грязь. В этой грязи тонули ошметки изувеченных человеческих тел и бесполезного, изуродованного оружия. Холод весеннего воздуха вместо привычного запаха огурцов, каким славится март, был отравлен вонью бензина и приторным духом сгоревшей пло-

ти.

Те, кто еще не погиб, стояли лицом к лицу. Худая усталая женщина в модном пальто, невысокий широкоплечий мужчина лет тридцати пяти – и несуразный парень в старой куртке и тапочках на босу ногу.

Женщина упала первой. Она была ранена в грудь, но на дорогой темной ткани кровь проступила не сразу. Только когда первые капли упали на чудом уцелевший островок ноздреватого снега, стало ясно: пуля, посланная широкоплечим, не прошла мимо.

Хотя, видит Бог, широкоплечий очень хотел этого.

Несуразный парень в тапочках до сих пор стоял, хотя по грязной майке, поверх которой была поспешно накинута старая куртка, всю распывалось кровавое пятно. Дрожащая рука сжимала стопку испачканных принтерной краской листов. Их было много – целая кipa. Раненый упорно не хотел падать, и в его пустых, похожих на провалы окон, глазах не отражалось ничего.

Ни боли, ни страха.

Тот, кто стрелял, явно ожидал другого. Пистолет с навинченным на ствол глушителем дрогнул, опустился вниз.

– Стрела! Р-ради Бога! Стрела!..

На млажавом, красивом лице широкоплечеа странно смотрелись глаза: серые, блеклые, словно потерявшие цвет. Глаза старика. Только что в них полновластно царил охотничий азарт, теперь же во взгляде мужчины сквозил ужас.

– Ирина! Господи, Ирина!..

Широкоплечий склонился над женщиной, коснулся окровавленной ткани; застонал. Затем, резко выпрямившись, шагнул к тому, кто упорно не желал падать.

В сером волчьем взгляде вспыхнула ненависть.

– Т-ты, гад, это из-за тебя!.. Сволочь, п-подонок!

И тут заговорила женщина. Бледное, искаженное болью лицо дрогнуло, шевельнулись бесцветные губы:

– Не надо, Игорь! Пожалуйста! Не надо!

Шепот прозвучал еле слышно. Трудно сказать, услышал ли его широкоплечий. Рука с пистолетом чуть заметно дернулась, палец лег на спуск...

И вновь выстрел был похож на хлопок, на одинокий хлопок, сорвавшийся с галерки. Они упали одновременно – широкоплечий с волчьими глазами и парень в тапочках на босу ногу. Бумажный листок, бабочкой отделившись от пачки, на секунду завис в воздухе и мягко лег в грязь рядом.

Женщина застонала и опустила руку с браунингом.

Никто не звал на помощь – звать было некого.

И каждый умирал в одиночку.

Смерть не спешила. Женщина была еще жива и даже пыталась поднять голову, но на большее сил не хватило. Нелепый парень оказался удачливее – он сумел приподняться, стать на колени, но не удержался и вновь упал на островок грязного снега. Упал, выгнулся раздавленным червем – и пополз, время от времени надрывно охая. Пальцы намертво

вцепились в бумагу, словно эти листки, испачканные принтерной краской, были самым важным, что оставалось в его жизни.

Парень полз.

Но, странное дело! – не обратно к дому, а вперед, вперед, к догоравшим обломкам деревянного сарая. Снежный островок кончился, и под локтями у раненого чавкала липкая, пахнущая бензином жижа.

Он полз долго, замирая, опуская лицо прямо в горячий пепел. Наконец руки ткнулись в блеклое пламя. Парень застонал, попытался отодвинуться, но не смог. Медленно-медленно разжались окровавленные пальцы. Стопка бессмысленной бумаги легла в грязь.

Дрожащая рука с трудом подняла первый листок. Пламя жадно облизало бумагу, на миг став ярким, почти кумачовым. Затем в огонь вместе с рукой, упавшей под тяжестью, легло все остальное. Бумага занялась с краев, потемнела, обуглилась...

Парень умирал. Испачканное грязью и кровью лицо на какое-то мгновенье ожило, скривилось в жалком подобии улыбки, чтобы секундой позже ткнуться в землю.

На пустыре воцарилась тишина.

Надолго.

Почти навечно.

Но вот послышался еле различимый стон.

Женщина в модном пальто зашевелилась, ее рука протя-

нулась вперед, к лежащему поодаль листку бумаги. Последнему, оброненному парнем; к глупой бабочке, не дождавшейся лета. Пальцы не слушались, хватали пустоту. Наконец рука дотянулась, сжала, скомкала бумагу – и замерла.

Та, что не хотела умирать, в последний раз взглянула вверх, на странное, непривычное небо, широко рассеченное золотой полосой. Белые губы беззвучно шевельнулись, словно в мире еще была сила, способная помочь умирающей в этот бесконечный миг ее ухода.

Шевельнулись – и застыли.

Остыли.

Пальцы разжались.

Листок, выпущенный на свободу, дернулся и, гонимый толчками легкого холодного ветра, заскользил по грязи. Его несло вперед, туда, где догорали обломки сарая, где порхал пепел его собратьев, – прямо в пламя, упрямо ждавшее свою законную добычу. Однако внезапный порыв у самой черты огненного погребения отбросил листок в сторону, прижал к земле, как будто неведомая сила не пускала, не желала предать остаток жертвы огню.

Листок лежал, чуть подрагивая на ветру; ждал, пока где-то там, над разорванной голубизной неба, решалась его судьба.

Он ждал, и огонь ждал; и небо застыло в ожидании.

Уходящее солнце мимоходом осветило мятую, забрызганную грязью и кровью бумагу. Осветило – и отшатнулось, уйдя за кровли полуразрушенных пустых домов.

Листок вновь дрогнул, настойчиво пытаюсь оторваться от земли, но не смог, словно тяжесть букв навечно придавила его к обезображенной тверди.

Еще раз.

Еще.

Мелкий черный шрифт, ровная строка заголовка – и поверх корявая надпись от руки. Пляшущие буквы, почти неразличимые в сиреневых предзакатных сумерках марта:

НАМ... ЗДЕСЬ... ЖИТЬ...

На шаткой границе огня и грязи.

Книга первая

Армагеддон был вчера

LXXXVI. Чтоб больной, которому нет надежды выздороветь, который мучится сам и в тягость другим, скорее скончался.

1. Рекомендовано молиться Преподобному Афанасию Афонскому (1000. 18 июля). Такую молитву Афанасий приносил каждый раз, когда предвидел, что больной не выздоровеет, а умрет. Тогда преподобный служил всенощное бдение и к утру больного уже не было в живых. (Молит. 152-а).

Сборник молитвословий, издательство «Либрис», Москва, 1995-й год, по благословению настоятеля Иоанно-Златоустовской церкви; тираж не указан.

Часть первая
Прожженный интеллигент
или
откройте пещеры
невнятным сезамом

Среда,
Одиннадцатое февраля

Мы с Овидием обижаем Ерпалыча *
Перцовый пластырь для души * Кенты
и жорики * Тайны портянок деда Житня
*** Вперед, спасатели! * Люди в белых**
халатах * Был схвачен я ужасом бледным

Городское неугомонное утро вступало за окном в свои права, свет в очередной раз победил тьму и был этим весьма

доволен, а я лежал под одеялом, не раскрывая глаз, и повторял один малоизвестный подвиг Геракла – это когда еще совсем юному герою якобы пришлось выбирать между Добродетелью и Пороком, явившимися ему на перепутьях Киферона.

Порок, обольстительно усмехаясь, убеждал меня, что на дворе зима (и это правда), а под одеялом вечное лето (это тоже правда), и я вполне могу встать через час, а то и через два (чистая правда!), и так далее, и тому подобное, одна правда, только правда и ничего, кроме правды.

Добродетель же возводила руки к потолку, заменявшему небо, и безмолвно бичевала Порок, причем так скучно и неубедительно, что я – ну не Геракл я, каюсь! – повернулся к ней отнюдь не самой добродетельной частью тела и опять заснул.

Снилась мне какая-то дрянь.

Будто иду я по нашему переулку, иду себе и иду, собираюсь свернуть на Павловку – а навстречу мне шлепает старик Ерпалыч, псих наш местный. Через подъезд от меня живет, на третьем этаже, как и я. Дядька он безобидный, денег никогда не клянчит, а если и разживется где гривной-другой, так тут же конфет на них закупит и в почтовые ящики накидает.

Пацанам.

Короче, сближаемся мы с Ерпалычем, а я дивлюсь: форма на нем служивого-жорика, полушубок из казенной овчины,

шапка-ушанка с Победоносцем на кокарде, пояс наборной с латунными бляхами, табельный палаш по уставу слева от пряжки, кобура с пистолетом прям-таки в бок выросла...

– Ерпалыч, ты чего? – спрашиваю.

– Ничего, – отвечает. – А вы, Олег Авраамович, чего? В редакцию за авансом собрались?

Какой я ему Олег Авраамович?! Алик я ему...

– Слышь, Ерпалыч, – говорю, а сам чую, что не то говорю, – дай из пистолета стрельнуть!

– Не дам, – отвечает Ерпалыч. – Во сне из пистолетов стрелять не положено.

– Ладно, – соглашаюсь я. – А наяву положено?

Что-то он мне ответил, только не запомнил я, потому как проснулся.

И встал сразу.

Уж больно мне сон про Ерпалыча в форме не понравился.

Умываться холодной водой не хотелось, а газовая колонка упрячилась, наотрез отказываясь воспылать – ее не устраивал напор воды в трубах. Проклятия и физическое воздействие результата не возымели, так что пришлось, стеноя, тащиться на кухню, ставить в красном углу одноразовую иконку св. Никиты Новгородского, а после еще и возлагать на жертвенную конфорку-«алтарку» кусок сдобной ватрушки с творогом и изюмом (просвиры у меня вчера закончились). Для пущей убедительности я вдобавок, когда возжег огонь,

капнул постным маслом – каплю на плиту, каплю на пол и две капли в кухонную раковину-мойку.

Ватрушка горела плохо, с дымом и чадом. Я полез на подоконник и, уже распахивая форточку, услышал за спиной бульканье, сдавленное оханье в стояке и счастливое гуденье заработавшей колонки.

Лик Никиты потемнел, полиграфический глянец брызнул во все стороны сетью морщин-трещинок, как бывает всегда при удавшемся молении; и еще подумалось мимоходом – надо бы забежать в соборный ларек, запастись образками на будущее.

– Ура! – завопил я, спрыгивая на пол. – Аллилуйя!

И побежал умываться.

Водя бритвой по щекам, я придумал четыре строчки. *«Откройте пещеры невнятным сезамом; о вы, лицемеры, взгляните в глаза нам!»* Все. Больше не придумалось. Вернувшись в комнату, я записал этот бред на обрывке газеты и сунул в рабочий блокнот.

На всякий случай.

Рядом с блокнотом валялся эскиз обложки к третьему переизданию моей книги. Его мне вчера всучили для домашнего просмотра в местном издательстве «Эйпус-Грамм». Заковыристое имечко досталось бедолагам-издателям от предыдущих владельцев, никто не мог выяснить, что сей «Эйпус...» означает хоть на каком-нибудь языке – а вот поди ж ты, прижилось!

Можем, когда хотим.

Откинув злобно шуршащую кальку, я лишний раз полюбовался, как на фоне закатного солнца бородастый имбецил страдает зоофилией. Вкупе с крупным рогатым скотом ярославской породы. Им обоим на головы сыпались угловатые буквы из пористого кирпича, отскакивая и образуя заголовок.

«Бык в Лабиринте».

Мое же старое, самое первое название, которое я в очередной раз титанически пытался пробить в печать – «Люди, боги и я» – редакцию не устраивало категорически.

Читатель, видите ли, не купит, а купит, так обидится...

Я еле сдержался, чтоб не сунуть проклятый лист в пламя жертвенной конфорки – вот уж не знаю, кого подобное приношение устроило бы?! – и сел за стол, раздумывая над вариантами завтрака: яичница простая или яичница модифицированная, с майонезом?

Так и не придя к окончательному выводу, я вспомнил, что в районной поликлинике у врача-окулиста вчера должен был состояться розыгрыш лотерейного молебна Гурию и Варсонофию, Казанским чудотворцам. Надо бы заглянуть, справиться о результатах. До чертиков надоело очки носить, от контактных линз у меня воспаление, а на персональный молебен я денег сроду не наскребу. Конечно, рассчитывать влететь в «трех праведников из тысячи» не слишком умно, но что делать? Так, яичница доедена, несмотря на отсут-

ствие окончательных выводов, билет с двойным профилем Гурия-Варсонофия в кармане, теперь оденемся потеплее и шарф запахнем по-маминому...

Вот.

Короткий взгляд на стенной календарь сообщил мне: сегодня рекомендуется из энвольтования, изготовления пентаклей и иных действий того же рода следующее – стричь ногти, чтоб не слоились, лечить нестоячку и доить свинью для здоровья.

Благополучный день, короче.

Через десять минут я уже шел по Пушкинской, изо всех сил стараясь не поскользнуться. Время было светлое, центр города, согласно уверениям стариков вроде Ерпалыча, и задолго до Большой Игрушечной войны считался местом тихим и безопасным, так что газовый баллончик я брать не стал, и ничего такого брать не стал, кроме бумажника, ключей и постоянного билета на все виды транспорта.

Странное дело: на момент катастрофы я имел честь уже заканчивать первый курс института – стало быть, прекрасно должен был помнить и предыдущие времена (согласно традициям, старые и добрые). А вот не сохранилось; так, обрывки, эпизоды... ветошь. Шухер помню, разруху помню, восстановление помню – нас, студиязусов, аборигенов Бурсацкого спуска, тогда гоняли на стройработы и крестные хода чаще, чем на лекции. Зато счастливая пора детства благо-

получно выветрилась из памяти. Бывает: один по пьяни все стрельбу из любимой рогатки вспоминает, другой об инстинктивных пьянках балабонит, третий про службу, четвертый про баб, пятый все на будущее загадывает...

Выборочная амнезия, однако. Говорят, у моих сверстников-земляков у всех так... последствия катастрофы, влияние потрясения на неокрепшую психику.

Эх, ать-два, не тужи, завей память веревочкой!

Выворачиваем на улицу, идем, шевелим ногами...

Только далеко я не ушел. Потому что встретил – кого б вы думали? – кого б вы ни думали, а встретил я нашего реликтового друга Ерпалыча. Возле кинотеатра, рядом с афишей фильма «Икар и Дедал», на которой были изображены двое мужчин резко выраженного гомосексуального типа с крыльями. Один из них пикировал на другого с вожделением во взоре, а жертва летела вниз головой, с тоской косясь на злополучного Ерпалыча.

Зря, в общем-то, косился – уж чего-чего, а сочувствия он не дождался. Наоборот, Ерпалыч прямо-таки брызгал слюной на ворот своего знаменитого кожуха из тибетской далай-ламы, и каждый волос вstopорщенной бороденки старика излучал негодование.

– Рукоблуды! – бушевал Ерпалыч. – Художнички хреновы! Мазилы-изобразилы! Руки-ноги за такую афишу! Кисть по самые гланды! Холстом по морде!..

Народ вокруг вяло толпился и подначивал Ерпалыча на

новые словесные подвиги. Пора было вмешиваться – пусть старого ругателя в нашем районе каждая собака знает, и ни один служивый сроду не потянет Ерпалыча в кутузку, и пошее ему никто не даст, а кто даст, того живо пьянчужки местные вразумят... Не в этом дело. Просто после таких выступлений Ерпалыч на скамеечке часа два отходит, воздух ртом хватает, сердобольные бабульки его чаем из термоса отпаивают, с валерьянкой пополам – а однажды, когда Ерпалыча в нашем дворе приступ трепал, и вокруг никого, кроме нас, растерявшихся студентов-третьекурсников, так помню я: Тот из стены вышел. Мы врассыпную, а Тот подошел вперевалочку и лапу корявую Ерпалычу на лоб положил. Враз старика отпустило, а Тот-исчезник постоял минутку и опять в стену спрятался.

Мы тогда еще тряслись, что он Ерпалыча с собой заберет; кукиши ему издалека крутили, как полагается, хотели штаны спустить да голые задницы показать, для умиротворения... не успели.

Так обошлось...

Раздвинул я толпу, послал кого надо куда надо и беру Ерпалыча за плечи. Худой он оказался, чисто скелет в коже! – а пошел сразу, словно ждал, что его кто-то увести отсюда должен.

– Пошли, Ерпалыч, – говорю, а сам с ним уже за угол сворачиваю, – чего зря разоряешься?! Мужик ты у нас грозный, это все знают, а что Икар на афише рожей не вышел, так это

нам без разницы, ты только поскальзываться не вздумай, у меня у самого ботинки скользкие, не удержу я тебя, Ерпалыч...

– Алик, – бормочет старик мне в ухо, – вы же умный парень, Алик, вы же книжки пишете... это же символ, Алик, нельзя же так!.. опасно это, Алик, а у нас вдесятеро опаснее...

– Нельзя, – соглашаюсь. – Никак нельзя и даже опасно, ни к чему символ поганить, крылья ему косо пририсовывать... да ты ноги-то переставляй! У меня крыльев нету...

Он тут как вцепится в меня, как тряхнет! Ну, думаю, здоров старик – а он чуть ли не хрипит:

– Нету! Нету крыльев! Нету и никогда не было! Не было крыльев! Не было!..

Я руки его костлявые от себя отрываю, соседям киваю – все в порядке, мол, сам справлюсь!

В первый раз, что ли?!

– Как это, – отвечаю, – крыльев не было?! Ты, – отвечаю, – Ерпалыч, говори, да не заговаривайся! Любой дурак знает: Дедал крылья изобрел, себе и сыну Икару присобачил, потом улетели вместе... Ты чего, Ерпалыч?

Говорю, а сам себя полным кретином чувствую: на улице, в снегу по уши с Ерпалычем о крыльях Дедаловых спорю! Кому сказать – не поверят!

– Дурак-то знает! – кричит Ерпалыч. – Дурак знает, потому что он – дурак! Не было крыльев, Алик! Это не Дедал

крылья придумал – это ты ему их придумал! Ты да Овидий! Вот вам!

Завелся я.

Не выдержал.

– Какой Овидий?! Причем тут Овидий?! Тоже мне, нашел виноватых – меня с Овидием! Делать нам с Овидием больше нечего – крылья твоему Дедалу придумывать!

– Не было крыльев! – у Ерпалыча аж опять слюна на воротник клочковатый потекла. – Не было! Парус был, Алик! Парус! Парус он изобрел, косой парус для маленьких суденышек! И на двух парусных лодках ушел вместе с сыном с Крита! А гребной флот Миноса не догнал их! Вот, выкуси-те!.. Дураки вы с Овидием! Дураки! Афиши вам рисовать!

Вот тут я ему и поверил.

Считайте меня кем угодно, плюйте мне в лицо – поверил. Стоят два психа на улице, снег метет, век на дворе даже стыдно сказать какой – а я Ерпалыча за пуговицу беру и нежно так:

– Пошли, старик, ко мне в гости. Чайку выпьем...

– Нет, – шепчет Ерпалыч, а сам зимний-зимний такой, бе-леет просто на глазах, – пойдемте, Алик, лучше ко мне. И еще... у вас деньги есть, Алик?

– Есть, – говорю. – Деньги есть. Сейчас я на угол в магазин сбегая... ты домой иди, а я мигом...

За водкой я ходил неожиданно долго. Дело, в общем, не в водке — две бутылки перцовки я взял сразу, на углу, как и собирался. Сначала хотел выпендриться, «Менделейки» купить: дорогушей, с голограммой самого Преподобного Димитрия на этикетке, при нимбе, бороде и улыбке архипастырской. «Менделейка» у нас в основном идет на экспорт, за бугор; но спасибо родному ликеро-водочному! — и о своих земляках печется, не забывает. Впрочем, почти сразу я устыдился тщеславия суетного, решил не выпячивать грудь и взял перцовой «Олдёвки» — посчитав из каких-то соображений, что Ерпалыч должен любить именно крутые напитки, пусть даже и с утра. Собственно, это даже не перцовка, а жгучий бальзам о семнадцати компонентах («Семнадцать мгновений весны» — шутили любители), но и собственно перца там — то ли пять, то ли шесть видов, включая экзотический «Chilli-Black».

Задержка же у меня вышла близ фонтана, не работающего с осени и по самый парапет заваленного слипшимся снегом. Остановился я, стою, в каждой руке по бутылке, и думаю: куда зимой водяница из фонтана девается? Очень уж меня вопрос такой волновал, когда я еще в институте учился и с лекций бегал пиво во дворах пить, под «*молитву об отроче неудобобучающемся*». Потом забылось как-то, а сейчас вот

опять приспичило.

Дружок мой, Ритка (его родители от большого ума Ричардом назвали, Ричардом Родионовичем, чтоб жизнь малиной не казалась, а мы все – Ритка да Ритка), который сейчас в жориках, старший сержант патруля – тот, помню, любил к работягам из горводтреста цепляться, когда они фонтан ремонтировать приходили. Он цеплялся, а они его посылали. Я давно заметил – Техники, особенно дипломированные, если по долгу службы с Теми напрямую работают, а не просто так, по схеме «моление – воздаяние», очень не любят об этом деле лясы точить. «Они, мол, Те, а мы – Эти». И все. Вали, парень, отсюда, а то по шее схлопочешь.

Отца я вдруг своего вспомнил. Ни с того ни с сего. Как сидели мы с ним на кухне перед самым его отъездом в Штаты, коньяк «Ахтамар» лимоном заедали, а я его спрашивал: «Пап, а до Большой Игрушечной – были Те или нет?» Отец морщился, глядел в рюмку, цедру лимонную без сахара жевал... «А шут их знает», – отвечал. «Ну ты же должен помнить!» «Должен. Должен, Алик... А вот не помню. Кажется, были, только мы еще не понимали, что они – Те. Нам, людям, все лишь бы свалить на кого... Вот и валили – на барабашек, на полтергейсты, на пришельцев, на маньяков, в конце концов! Ты знаешь, Алик, незадолго до Большой Игрушечной – ты тогда совсем пацаном был – паром „Эстония“ затонул. Странно как-то затонул: еще все по телевизору удивлялись, что огромное плавсредство, тыщи человек народа,

спассистемы мирового уровня – и даже пискнуть не успели! Никто, по-моему, не спасся... Потом чуть ли не полпарома в двадцати километрах от места гибели нашли, будто рванул кто-то „Эстонию“ со зла! Тоже после свалили на погоду и невыясненные обстоятельства... Давай лучше еще по одной тяпнем, а?... ты только к маме на могилку захаживай, не забывай...»

И, под фортепьянный наигрыш, глядя мимо клавиш блестящими глазами:

– Запах акации, шум ребятни,
Мягкий и тихий за окнами свет,
Звуки курантов (хотя без пяти!),
Мучает скрипку мальчишка-сосед,

В кухне жара; недочитанный том,
Краски и кисть в беспорядке лежат.
Все это, все это, все это – дом,
Дом,
Из которого я не хотел уезжать...

Может, зря я тогда с тобой не поехал, папа? Пашку ты-таки увез, Павла свет Авраамовича, потому что Авраамович, и потому что в тринадцать лет право голоса куцее... Глядишь, и мне за океаном прилепиться удалось бы? Мыл бы сейчас посуду в детройтских кафешках или куковал на вашем островке близ южно-каролинского побережья, пил бы

виски да акул считал, и знать не знал козла-редактора, и не снились бы мне по ночам пасквили в «Независимой Газете» – дескать, автор небезызвестного «Быка в Лабиринте» вознамерился выехать одновременно на «умняке» и дешевой забойности, а поскольку в одну телегу впрячь не можно, особенно учитывая, что истинный талант по гроб жизни обязан быть голодным и остервенелым...

– Он для кого-то небросок и прост,
Черточки-годы на краске ворот –
Это мальчишкой я мерял свой рост,
Вырос, и вот – от ворот поворот.

Дождь еле слышно шуршит за окном,
Капли на листьях, как слезы, дрожат.
Все это, все это, все это – дом,
Дом,
Из которого я не хотел уезжать...¹

Ладно, хватит рефлексировать, пора «Олдёвку» пить!

И я пошел пить ее, родимую. Шагов через двадцать ноги у меня поехали в разные стороны, я чудом извернулся, спасая бутылки – и краем глаза увидел у фонтана босую девушку в легком платьице, глядящую мне вслед с каким-то неприятным сочувствием. Снег падал на золотистые волосы,

¹ Здесь и далее, «Дом, из которого я не хотел уезжать» – стихи С. Ладыженского.

на хрупкие, почти детские плечи, превращая Ту в стройного снеговика, я невольно передернулся, глядя на это незамерзающее чудо, а потом водяница шагнула в фонтан и исчезла, а я вздрогнул и побежал к Ерпалычу.

Никуда она, оказывается, не девается, даже если фонтан зимой и не работает! Вот ведь как...

3

...Нет, все-таки он – псих. А то я вдруг начал в этом сомневаться.

Поначалу все было просто: Ерпалыч сидел в дряхлом плетеном кресле, скособочившись и тяжело дыша, а я суетился вокруг журнального столика с исцарапанной инкрустацией, раскладывая на этом антиквариате нарезанное ломтиками сало и бутерброды с рыбой-шпротой. Или с рыбом-шпротом; кому как больше нравится. Закуску я принес с собой из дому – спохватился-таки по дороге – и правильно сделал, потому что Ерпалыч явно питался воздухом. Рюмки у него были свои, но все разные, так что я подбирал их по размеру, а эстетику пришлось отодвинуть в сторону. После я разлил перцовый бальзам, плеснул немного на порог – квартирнику...

И тут Ерпалыч вдруг бодро вскочил, кинулся к стоявшему в углу на футляре от швейной машинки магнитофону (катушечный «Садко», динозавр вымерший!) и запустил, мягко

выражаясь, музыку.

Трудно понять, как Ерпалычу удалось дожить до старости, слушая сей выкидыш муз. В магнитофонных динамиках звенело, топало, через неправильные промежутки времени раздавался лязг и молодецкие выкрики; я машинально проглотил перцовку, даже не заметив вкуса, и уставился на счастливого Ерпалыча, cedящего свою порцию мелкими глоточками (что само по себе было ненормально).

– Что это, Ерпалыч? – прохрипел я.

Не думаю, что он меня услышал – скорее, по губам догадался.

– «Куреты» это, Алик, – Ерпалыч придвинулся ко мне почти вплотную и радостно захлопал старческими белесыми ресницами. – Группа такая. Да вы не волнуйтесь, к ним быстро привыкаешь...

Сомневаюсь, чтобы мне хотелось привыкать к этим оглушительным «Куретам».

– А-а... зачем?

– Надо, – строго сказал Ерпалыч и пальцем мосластым погрозил. – Надо, Алик! Вы мне лучше вот что скажите...

Я даже не успел сообразить, что он меня до сих пор на «вы» величает, как Ерпалыч уже налил по второй и удрал из комнаты. Вернулся он с потрепанной книжкой в руках, в которой я с удивлением узнал своего собственного «Быка в Лабиринте».

Еще первого издания, покет-бук в мягкой обложке.

Пять тысяч тиража.

– Скажите, Алик, – вопрошает Ерпалыч тоном матерого инквизитора, замыслившего расколоть еретика на «сознанию», – вы сами додумались вести рассказ от имени Минотавра? От первого лица?

– Не знаю, – искренне отвечаю я. – Может, сам... а может, читал где-то или видел – вот оно и отложилось. Борхесы там всякие, Олдя, Бушков с Валентиновым... хрена теперь вспомнишь!

– Вы честный человек, Алик, – Ерпалыч сказал что-то еще, но я из-за «Куретов» не расслышал. – Давайте выпьем за ваш талант.

Я хотел было возразить – но он уже выпил. И салом заел. Так что пришлось присоединяться. А после третьей гляжу: или «Куреты» вроде тише стали, или я и впрямь к ним привыкать начал, только сидим мы хорошо, рыбу-шпроту кушаем, и я Ерпалычу рассказываю, как «Быка» писал, как по ночам в зеркало глядел, боялся, что рога Минотавровы прорастают, а потом рога проросли-таки, бросила меня Натали к свиньям хреновым, и я Миньку-бедолагу за неделю убил, то есть не я, конечно, а Тезей, только Тезей у меня такой сухой вышел, что самому противно, а читатели и не заметили, что Тезей – сука, и Ариадну он сам бросил, нечего на Диониса валить, и пора по четвертой, или по пятой, не помню уже...

«Куреты» брякают, я трезвый вдруг оказался, только тяжелый, а Ерпалыч меня спрашивает:

– Скажите, Алик, вы случайно Тех не боитесь?

– Нет, – отвечаю, – что я, сумасшедший? Чего мне их бояться? Жертвую я исправно, молюсь по графику, службы все в квартире работают, оберег-манок на месте, раз в месяц заговорщика вызываю – подновлять... С кентаврами я вообще на коротком колесе, маньяков давно Первач-псы повывели, спасибо им!.. Нет, Ерпалыч, не боюсь.

– Кому «им» спасибо-то, Алик? Псам или маньякам?

Я смеюсь, «Куреты» орут, а Ерпалыч бороду в кулаке крутит, ногу за ногу забросил, брючина обтрепанная чуть ли не до колена задралась, голень старческая, сухая, в пятнах каких-то синих...

– Ладно, – смеется старый хрыч, – оставим Тех в покое. И мольбы по графику – за компанию. Лучше скажите мне, Алик, что вы сейчас пишете?

– Скажу, – отвечаю. – Сейчас скажу. Только яичницу поджарю.

Яиц десяток я тоже с собой принес. Забрал их из сумки – одно треснуло, зараза, но не потекло вроде – и пошел на кухню. Сковородка у Ерпалыча почему-то в холодильнике стояла. Пустая, чистая, и под самой морозилкой. Вынул я ее, на плиту поставил, огонь зажег, яйца быю – и только на пятом яйце соображаю, что плита-то у Ерпалыча четырехконфорочная, старого образца, без «алтарки»! Интересно мне стало: что старик делает, когда у него, к примеру, труба потечет? Шпагатом с наговоренным узелком перевязывает? Или

к соседям идет? А может, на обычной горелке жертву приносит? Одной ведь молитвой, как известно, дом не ставится... да и шпагатик течь в лучшем случае неделю удержит. То-то у него кухня такая обшарпанная, краны все текут, и форточка выбитая целлофаном затянута.

Вернулся я в комнату, стали есть яичницу, и начал я Ерпалычу на житье-бытье жаловаться. Хорошо он слушать умел – я и сам не заметил, как от старого «Быка...» с Тезеем-зоофилом к новому, свеженькому перескочил; к заветным, м-мать их, «Легатам Печатей»! Терпеть ненавижу о недописанных вещах под водку трепаться, особенно когда текст второй месяц виснет, да только язык мой – враг мой! Зря я, конечно, через слово ругался по-черному, но уж больно разобрало! Некому мне выговариваться, сижу над «Легатами» в тоске душевной, дерьмо в себе коплю яко во месте отхожем, травлю душу злостью, будто кислотой... раньше хоть перед Натали распинался – все, глядишь, полегче становилось.

– Любопытно, любопытно, – бормочет Ерпалыч, – даже очень... Говорите, Легаты Печатей?.. Ангелы-Хранители?

– Скорее уж вредители, – отвечаю; и по памяти, полуприкрыв глаза:

– И воскликнул он громким голосом к четверем Ангелам, которым дано вредить земле и морю, говоря...

– ...Не делайте вреда, – мигом подхватил Ерпалыч, счастливо жмурясь сытым котярой, – ни земле, ни морю, ни деревьям, доколе не положим печати на челах рабов Бога наше-

го! Ишь ты – ангелы-вредители... Вы, Алик, это тоже сами придумали, или как?

– Или как, – говорю. – Книжки умные читал.

– А позвольте поинтересоваться – какие?

– Разные, – говорю. – «Шах-наме» в пересказе Розенфельда. «Откровение...» в адаптированном варианте «Новой Жизни». Мифы Древней Греции – еще старые, Куновские... потом эту, как ее?.. Младшую Эдду, вот.

– А вы, Алик, – перебивает Ерпалыч, – небось, любите фильмы порнографические смотреть? Как там кто-то кого-то углом ставит? Так сказать, любовь в доступной форме?!

Обиделся я. Яичницей даже подавился.

– Старый ты придурок, Ерпадлыч, – говорю. – Был бы ты молодой придурок – дал бы я тебе по роже. Я еще сам кого хочешь углом поставлю! А фильмы твои поганые...

Он вдруг обрадовался – с чего только, неясно.

– Да не мои, Алик, не мои, а ваши! Ведь говорите, что сами можете, без голубого экрана, а «Шах-наме» в пересказе читаете. Тем более в пересказе идиота со справкой господина Розенфельда! Вы погодите, Алик, я сейчас... я вам для начала подыщу...

И опять удрал из комнаты.

Подошел я к магнитофону, посмотрел, как «Куреты» внутри «Садко» скачут, подумал, что пора и домой валить – а тут Ерпалыч возвращается. С деревянной шкатулкой в

руках. Крышку откинул и книгу достает. В мягком переплете, зеленовато-болотном; и издание незнакомое. Потрепанная книжица, клееная; вернее, была клееная, а сейчас все развалиться норовит.

– Что это? – спрашиваю, а он уже книжку мне протягивает.

Читаю на обложке: «Мифологическая библиотека». Чуть выше имя написано: Аполлодор. Автор, небось.

Мифологический библиотекарь.

Откладываю книгу, беру шкатулку.

Стою, моргаю, шкатулку в руках верчу. Хорошая шкатулка, вместительная. И резьба на крышке обалденная: хоровод голых мужиков в шлемах с гребнями. А за ними вроде как море плещется. Редкая вещь. Антикварная. Как столик. Как сам Ерпалыч.

– Пойду я, Ерпалыч, – говорю.

– Да, да, Алик, – засуетился Ерпалыч, – конечно, идите!.. И книжку с собой возьмите. Да, вот еще...

Полез он в тумбочку, по плечи в нее зарылся и бухтит оттуда:

– У вас, Алик, магнитофон есть?

– Есть, – отвечаю. – Кассетник.

– Отлично! – кричит Ерпалыч и вылезает с какой-то кассетой в руках. – Вот вам, Алик, нужная музыка! Вы, когда Аполлодора читать станете, обязательно ее включите. А в особенности ежели мне после прочтения позвонить надума-

ете. Включайте, звук погромче – и звоните. Договорились?
– А... что за музыка?
Он даже удивился.
– Как – что? «Куреты», Алик, это и дураку ясно...
Дураку, может, и ясно...

Взгляд исподтишка...

Древесный палочник с хитренькой мордочкой черепахи Тортилы, заныкавшей Золотой Ключик и от сямки-Буратино, и от пахана-Карабаса. Неожиданно грустные глазки часто-часто моргают, гоняют морицки от уголков, и тоненькие «гусиные лапки» ручейками вливаются в океан впадин, складок, бугров и ямочек, теней и света, из которых время слепило это подвижное лицо, коему место скорее в музее, под стеклом, на пыльном листе бумаги с неразборчивой подписью типа: «Рембрандт. Возвращение блудного суккина сына. Эскиз соседа на заднем плане» – нежели в обшарпанной квартире за рюмкой перцовки.

И еще: руки.

Пальцы скрипача на пенсии.

Вот он какой, Ерпалыч...

Уже в дверях стою и чувствую: чего-то мне не хватает. Постоял, подумал – и дошло до меня: магнитофон старик выключил. Точняком как я на пороге встал и за замок взялся.

Ни секундой раньше.

4

Вернувшись домой, я быстро разделся, плюхнулся на незастеленную кровать (ура моему разгильдяйству!) и почти сразу заснул.

Снилось мне, будто я листаю полученный от Ерпалыча раритет, ничего в нем понять не могу – то ли пьяный я, то ли во сне ничего понимать и не положено – короче, листаю, злюсь ужасно, а из книги все листики в клеточку сыплются. Надоело мне их с пола подбирать, сунул я листики эти клетчатые не помню куда, книгу на стол бросил и сплю себе дальше.

Плохо сплю.

Коряво.

Или даже не сплю, потому что звенит где-то. В ушах? А теперь гроыхает. Гроза, должно быть. Зимняя. В подъезде. На моей лестничной клетке. Сперва гремела, а теперь опять звенит. В звонок звенит. В мой дверной звонок. А вот опять гром бьет. В дверь. Сапогом, похоже. На литой подошве. Сильно бьет. Видать, разошлась гроза не на шутку.

Муть у меня какая-то в голове, мысли козлами скачут, и темно вокруг. Не то чтобы совсем мрак, но темнеет. Потому что вечер. Наверное.

– Сейчас! – кричу. – Открываю!

А сам часы нашариваю. Нашарил. Без шести шесть. Все-

таки вечера, надо полагать. Рано у нас зимой темнеет. А светлеет – поздно. Вот ведь какие чудеса природы...

– Открываю!

В дверь снова зазвонили и застучали. А я сижу на кровати, тупо смотрю на часы и стрелок ни черта не вижу. Только что видел, и вот – не вижу.

– Кто там? – кричу.

– Да я там! – отзывается гроза. – Ты что, заснул, что ли?!
Открывай, придурок!

Кто такой этот «я», шумевший за дверью, понять было сложно, но я – который сидел на кровати – решил дверь все же открыть.

Открыл. С трудом, но – открыл.

На пороге стоял Ритка. В смысле Ричард Родионыч, старший сержант патруля. Жорик-служивый и мой школьный товарищ. Злой в данный момент до чрезвычайности.

– Да ты и вправду спишь! – изумляется Ритка-жорик.

– Сплю, – виновато развожу руками я.

И вдруг просыпаюсь!

И Ерпалыча вспомнил, и две бутылки перцовки, и «Куретов» громогласных, и книжицу зеленую, и самое главное – что обещал познакомить сегодня Ритку с моим приятелем из Дальней Срани, кентавром Фолом, для чего мы все трое должны были встретиться около пяти в «Житне».

– Ты извини, Ритка, – мямлю я, не попадая моргая слипаю-

щимися веками. – Мы тут утром с Ерпалычем... под Икара и Дедала...

5

– ...Ну ты даешь! – вопил Ритка, бегая по всей квартире и грохоча сапожищами. Он недавно сменился с дежурства, так что до сих пор был в полушубке (правда, без погон) и казенных сапогах – только табельное оружие сдал и ушанку с кокардой сменил на легкомысленный вязаный «петушок».

– Нет, ну ты даешь! Алька-голик! С утра! С Ерпалычем! С горла! «Олдёвку»! Не зря тебя Фима Крайц «прожженным интеллигентом» назвал! Золотые слова!..

Великий умник и магистр всяческих наук Ефимушка Гаврилович Крайцман – а в просторечии Фима Крайц по кличке «Архимуд Серакузский» – еще в школе обозвал меня «прожженным интеллигентом». И на мой резонный вопль: «А ты?!», не менее резонно ответил: «И я!».

– И он таки прав! – заискивающе ухмыляюсь я.

– Прав?! – орет Ритка поставленным командирским голосом. – А то, что твой Фол у подъезда битый час мерзнет – это кто прав?! Ерпалыч?! Или Фима?!

Оказывается, мой друг-кентавр с Риткой уже успели познакомиться и слиться душами в ожидании «этого разгильдяя Алика, вывесившего фонарь обоим (конец цитаты)». Я давно заметил: когда вместе с кем-то от души ругаешь од-

ного и того же человека, сходишься с коллегой-ругателем необычайно быстро.

Так что мой пьяный сон не пропал втуне: извечные антагонисты – кент и жорик – нашли общий язык, а я выспался и стал вполне готов к употреблению.

В качестве амортизатора – ибо жорики-служивые и городские кентавры друг друга, мягко выражаясь, не любят. Что вполне объяснимо. Служивые – они стражи порядка, а там, где собираются кенты в количестве, большем, чем двое, (пожалуй, и одного-то много!) порядка быть не может по определению. Так уж эти двухколесные оболтусы устроены. То гонки затеют, да такие, что светофоры вслед мигают от обалдения, а дорожники из ГАИ валидол спиртом запивают; то старушек по вечерам пугают; то между собой передерутся, а драка у кентов – дело долгое и совершенно невыносимое, даже если со стороны смотреть.

Плюс слухи: как кентавры винный магазин разнесли (а с их здоровьем что-нибудь разнести – дело плевое) или случайную прохожую всем табуном до смерти изнасиловали. Не станешь же через прессу объяснять народу, что для насилия над гражданкой до смертельного исхода вовсе не требуется целый табун – одного Фола за глаза хватит. И гражданки – они всякие встречаются, иной и табуна мало. Видал я, как тот же Фол от таких гражданок во все колеса улепетывает.

Чего тоже в прессе не разъяснишь.

Только и кентов понять можно. Я, например, понимаю.

Катишь себе по городу, ну, быстро катишь, ясное дело, и не то чтобы всегда по проезжей части катишь – случается и по тротуару. Кенту ведь знаки дорожные без разницы, не то что обычному водиле: ежели стоит «поворот запрещен», значит, и захочешь повернуть, так руль сам из рук вывернется. Или там ограничение скорости: написано «60 км», и больше из машины, хоть лопни, не выжмешь! А кент даст восемьдесят – лови ветра в поле! Ну, у жориков, как и у «скорой» с «пожаркой», казенные обереги имеются, для нарушения в связи со служебной спецификой – так тут не специфика, тут кент-сволочь, антиобщественный элемент...

На авторынке, правда, такими оберегами уже вовсю «изпод полы» торгуют, для частных лиц. Только если поймают – штрафом не отделаешься: у покупателя права забирают, а у торговца – лицензию. Трудно служивым, сплошная маета: поди разберись, оберег-нелегал это или просто чертик на цепочке болтается? Рамка-детектор стопроцентной гарантии не дает; вот и вымещают злобу на кентаврах. Едва разгонится двухколесный, а тут сзади сирена воет, мигалки сверкают, и жор всякий в мегафон базарит: «Немедленно остановитесь! Вы создаете опасную ситуацию! Остановитесь и поднимите руки!..» Ну какой болван после этого остановится?! Только болван и остановится! Ты, понятное дело, ходу, – а они следом, создавая свою любимую «опасную ситуацию», а когда ты от них окончательно отрываешься, хватаются за стволы...

Стволы-то в городе (если не считать мелкашек в тире)

только у служивых, да еще иногда у работников прокуратуры. Потому как ствол-нелегал от Тех не укроешь – из-под земли достанут. И под землю упрячут. А уж если под облавной молебен угодишь, с водосвятием, когда месячные чистки... Отец говорил: до Большой Игрушечной стволов левых было – хоть в бочках соли! А сейчас поперек проспекта Свободы десяток стрелялок разложи – никто и не позарится. Разве что самоубийца какой. Или ребенок без родителей. Или дебил из психушки.

И тот через час в канализации сгинет. Исчезники – они свое дело знают... про утопцев я и не говорю.

Нюх у них на пушки...

Ладно, не в стволах дело, а в том, что Ритка давно меня просил свести его с кентаврами. Видит ведь, что вокруг творится – уже и дамочки нервные при виде кентов к подъездам жмутся, а мужики с искрой в глазах, кто покрепче да позадиристей, из-за пазухи кистень тянут. А жорики тоже люди – Ритка говорил, будто их патруль за последнюю неделю дважды стрельбу открывал. Хорошо хоть, не попали ни в кого... Обошлось.

Это я и Фолу сказал: дескать, друг мой, сержант Ритка, хочет, чтоб и дальше обходилось – для того и встречи ищет...

– Ну ты идешь или нет?! – возмутился Ритка, и я обнаружил, что полностью одет и стою в коридоре, вертя в руках ключи.

– Иду, – ответил я, нахлобучивая шапку.

И пошел.

6

Фол потихоньку катил слева от меня, скрипя снегом и с трудом принаравливаясь к нашему шагу, Ритка бухал сапогами справа; и оба они бубнили мне в уши всякие гадости – для стереоэффекта, надо полагать.

Причем в слове «писатель» оба делали ударение на первом слоге.

Я слушал все это с некоторым мазохистским удовольствием, и сам не заметил, как мы добрались до известного в городе пивбара «Портянки Деда Житня», в народе именуемого просто «Житнем». Это было одно из немногих заведений вне Дальней Срани, куда без проблем пускали кентавров.

Даже специальный наклонный пандус имелся, рядом с обычными ступеньками.

Смотрю: вывеска мигает, Василий Новый, который в «питейных домах для торговли», над входом улыбается душевно, музыка изнутри гремит, мужской гогот и девичий визг вперемешку – словом, веселье в самом разгаре. И мотоцикл Риткин тройной цепью у дверей прикован. Это правильно – машина хоть и служебная, а все равно увести могут. Особенно вечером.

Фол затормозил, привстав на дыбы, повертелся на зад-

нем колесе, искоса разглядывая Риткин «Судзуки», хмыкнул что-то в бороду (по-моему, одобрителное) – и зашуршал по пандусу, обмахиваясь хвостом.

А мы последовали за ним и, ступенька за ступенькой, оказались внутри.

Все столики, понятное дело, были забиты до упора. Но хозяин «Житня» Илья Рудяк (по слухам, не то парикмахер, не то патологоанатом в отставке) мигом выставил нам запасной стол в дальнем – наиболее тихом и обособленном – углу заведения. Это был далеко не первый случай на моей памяти, когда Рудяк буквально читал мысли. Иногда я даже начинал подозревать, что он из Тех. Только дудки – из Этих был мо-сластый Илюша в неизменной меховой жилетке независимо от погоды, из Этих, просто хороший он хозяин, уважающий постоянных клиентов.

Несколько человек помахали нам руками и недружелюбно покосились на Фола, пьющий у стойки пиво гнедой кентавр с похабной татуировкой на плече махнул Фолу хвостом и недружелюбно покосился на нас, а мы гордо задрали носы и с достоинством проследовали к своему столику – возле которого на полу уже был расстелен коврик для Фола и поставлены два стула.

Для нас с Риткой.

Подручный Рудяка – вездесущий и обаятельный брюнет Гоша – принял у нас верхнюю одежду, мигом отправил ее в гардероб и вновь оказался рядом, ослепительно улыбаясь.

– Добрый вечер, господа! Сколько изволите?

Гоша не спрашивал – «чего». Он спрашивал – «сколько».

И правильно делал.

– Для начала дюжину, Гоша. И воблочки – посуше.

Гоша развел руками, исчез и сразу возник на прежнем месте, грохнув на стол дюжину пенящихся кружек. Следом он с ловкостью фокусника подбросил в воздух блюдо с рыбой – так что оно чуть не разбилось о столешницу, в последний момент придержанное пальцами вездесущего Гоши, прозванного в свое время Спрутом Великим.

Впрочем, сей фокус я имел честь видеть неоднократно. И поэтому наблюдал не за Гошиным жонглерством, а за тем, как Фол устраивается на коврике. Как укладываются кентавры, я тоже видел не в первый раз – и все-таки...

Фол аккуратно втянул в себя оба ороговевших колеса, одновременно разворачивая их в горизонтальной плоскости, и мягко опустился на эти два диска, своеобразным постаментом поддерживающие мускулистый торс кентавра. Как при этом должны были перекрутиться мышцы, приводящие колеса в движение, что должно было случиться со связками и костными «осями» – понятия не имею, господа! И не думаю, что найдется медицинское светило, которое сдвинет белую шапочку набекрень и похвастается подробным знанием анатомии кентавров. До сих пор умники яйцеголовые в затылках стетоскопами чешут: откуда взялись кенты, да еще сразу после Большой Игрушечной?! Город знают, как всю

жизнь здесь прожили, говорят без акцента, старожилы по имени-отчеству и вообще... Собирались исследовать, за сдачу анализов чуть ли не денежные премии сулили – потом обломилось. Пришлось теоретическими версиями пробавляться: визуальный сдвиг восприятия, мутация рокеров, а также лиц цыганской национальности, адаптация «группы риска» в связи с катастрофой, метаболизм крышей поехал...

Это в старых мультфильмах да на картинках кенты на лошадиных ногах бегают. А на самом деле – полюбуйтесь! Лежит себе этакое чудо поперек колес, хвостом рубчатые их края трет и грудь полуголую обеими руками чешет – аж волос дыбом!

А что ржет иногда – так и мы не без того...

Ритка тоже, забыв обо всем, следил за эволюциями Фолла. Потом они с кентавром встретились взглядами – и бравый сержант смущенно отвел глаза, зардевшись, аки майская роза. Фол чуть заметно усмехнулся и придвинул к себе ближайшую кружку.

Мы со служивым не замедлили последовать его примеру.

– Ну что, – говорю, – как я понимаю, вы уже успели познакомиться. И даже неплохо провести время, перебивая мои косточки.

Фол в ответ опять хмыкает, а Ритка молчит.

– Итак, друзья мои, я наконец с вами, кости мои отмыты добела, и мы можем открыть наше маленькое пивное совещание.

При слове «совещание» наш сержант заметно морщится, темнея лицом.

– Кончай, Алька! – Ритка вдруг становится до неприличия серьезным, превращаясь в Ричарда Родионовича, и хлопает увесистой ладонью по столу.

Кружки дребезжат и слегка подпрыгивают, едва не расплескав свое содержимое.

– Я тебя знаю – ты еще целый час трепаться можешь. А мне не до трепа сейчас. Потому что я буду разглашать служебную информацию, а за это меня с работы попрут в два счета. Только работа работой, а...

Я как-то сразу заткнулся. Редко доводилось видеть Ритку в таком состоянии, и если доводилось – дело всякий раз пахло жареным. Горелым дело пахло. Особенно когда Ритка свою службу работой называет.

– Совещание у нас было, – буркнул Ритка, глядя мимо Фола. – Только не пивное, а для младшего комсостава. И то, по-моему, не для всех, а для тех, у кого характеристики – комар носу не подточит. Начуправ выступал, а я и не помню, чтобы господин Хирный перед унтерами речи держал. Ничего особо конкретного: усиление бдительности, обстановка в городе, у церкви Георгия-Победоносца амбар обчистили, да не простой, а с казенными валенками... замок взломали, и запорное слово взломали. Короче, со следующей недели нам при выходах на патрулирование будут выдавать автоматы. С полным боекомплектom. Все подразделения – в повы-

шенную боевую готовность. Вне работы разрешено носить личное оружие. Двоих прапоров, не сдавших зачет по «скобрю», и одного за «гноение табельного палаша посредством ржи» – подвергнуть взысканию. А в самом конце было сказано, что намечаются провокации, и мы должны быть готовы дать достойный отпор.

– С чьей же стороны намечаются провокации? – очень спокойно поинтересовался Фол, накручивая на палец кончик хвоста.

– Угадай с трех раз.

– С нашей, – так же невозмутимо кивнул Фол.

– Угадал. Более того, под занавес встал какой-то рыжеусый полкан в общевойсковой форме, но с Михайлой-архаром на петлицах, и сказал, что при малейшей провокации со стороны кентавров и иных преступных элементов (как вам формулировочка?!), в случае угрозы жизни и здоровью мирных граждан, нам разрешено действовать согласно параграфу «Низвержение». Слыхали, что это за параграф?!

– Нет, – ответили мы с Фолом одновременно.

– Это разрешение открывать огонь на поражение без предупредительных выстрелов.

Скуластое лицо Фола отвердело.

– А... Первач-псы? – еле слышно выдохнул кентавр. – Они что, простят?! Простят, да?!

Тут уж задумался и я. Ведь почему разборки по городу полно, особенно в темное время, о Дальней Срани я вообще

не говорю – а убитых, почитай, нет? Одни раненые... Потому что – Первач-псы. Разборки, раненые, кражи, грабежи, аферы всякие – это дела людей, то есть Этих. А за убийствами Те следят. Тут тюрьмой не отделаешься. Сто раз в кино видел, как варнака Первачи преследуют, а один раз живьем сподобился. Вечером, на улице. Потом месяц кричал во сне – все лицо его снилось.

Ритка рассказывал – для того и учат служивых палить по конечностям, чтоб не убить кого ненароком. Ну а если шлепнул при исполнении – до заката солнца беги в ту же церковь Георгия-Победоносца, где рядом амбар с валенками, хватай попа за бороду!.. пусть разбирается, запрашивает сводку и, если не было превышения, исповедь принимает. Первачи не разбирают, жорик ты или хрен с бугра... А если они за тобой хоть час погоняются – исповедуйся после, не исповедуйся, все одно ты теперь не человек, а студень трясущийся.

В лучшем случае.

В худшем же – пацаны малые, и те знают: нашли под забором или в подвале труп с синюшным цветом лица и разрывом аорты – значит, звони «02», сообщай, что убийцу нашел, после кары заслуженной.

Приедут, подберут...

Местные «акулы пера» (редкие привозные газеты-журналы именовали Первач-псов не иначе чем «психоз Святого Георгия», уделяя им внимание наравне с последствиями ультра-наркотиков, не более) – так вот, местная пресса

регулярно запускала «жареных уток». Дескать, криминальные умы нашего разлива наконец открыли-таки способ молчать ближнего своего, обходя неусыпное внимание Первачей. Нюх им, мол, сбивали: то ли заговором «*Табак-зелье, удвой везенье...*», то ли кощунственным молением, где надо на деревянный крест вниз головой подвешиваться... Утка грузно взлетала и шлепалась в клоаку перманентных сплетен. «Братва» по-прежнему ходила без стволов (кому охота рисковать, здесь не пофартит – зоной не отделаешься!), а мирное население, гуляя темными переулками, если и тряслось за собственную шкуру, так этот интерес-трясучка был опять же чисто шкурный, не жизненный.

В дайджесте «Версия» опубликовали на днях годовой процент убийств по Москве, Нью-Йорку и Токио – ужас! Конец света! Никогда туда не поеду... да я ли один?!

– Знамение, полковник сказал, было, – с отвращением процедил сквозь зубы Ритка. – То ли стены управы сизыми пятнами пошли, то ли образ Галактиона Вологодского кровью возрыдал – короче, намекнули нам, что дело богоугодное, а Те закроют глаза на лишнее рвение.

– Вот как, – эхом отозвался Фол. – Ясно. Наши, конечно, хвост к небу задерут – и на автоматы. Прав был ваш начу-прав – будут провокации. И стрельба будет. Я среди своих не последний, но... Не со мной тебе встречаться надо было, Ричард Родионыч, сержант-чистоплюй! Со старшинами нашими – вот с кем!

– Нет, – жестко отрезал Ритка. – Сам им расскажешь. Я в пивбаре сижу, пиво пью с другом детства, знать ничего не знаю, не ведаю – а если кент с нами оттягивается, так он Алика приятель, а не мой! Соображаешь, Фол?

Тут мне дико захотелось курить. Вообще-то я курю редко, хотя сигареты в кармане обычно таскаю. А сейчас... неладное что-то затевалось в городе, о чем говорил Ритка, что носилось в воздухе уже давно, постепенно сгущаясь, приобретая конкретные формы; я почувствовал, как волнение и страх закипают внутри меня, и попытался сбить эту волну при помощи привычного «транквилизатора» – сигареты.

Я сунул руку во внутренний карман. Вместе со спичками и початой пачкой «Атамана» там обнаружилось больше десятка клетчатых тетрадных листков, мелко исписанных незнакомым почерком. Труды Ерпалыча, что ли? Мемуары? Я поспешно чиркнул спичкой, прикурил и прочел наугад:

«Акт творения»

(страницы 1-3)

...Вы не поверите, Алик, но все началось с телевизора.

Во всяком случае, для меня.

С банального телевизора «Березка», не помню уж

сколько сантиметров по диагонали, который упрямо не желал работать больше получаса. Вспыхивал, трещал, экран становился белым – и все. Приходилось его выключать и включать заново. Еще на полчаса. Кто только из моих технически образованных знакомых не лазил в телевизионные потроха! Слышались непонятные слова типа «блок развертки» и «строчность», менялись детали, на которые уходила львиная доля моей мизерной зарплаты, стирались до основания отвертки... Все тщетно. Он не хотел работать.

Вы понимаете меня, Алик? О, это чувство беспомощности перед капризами техники!.. ну да, вы ведё и сами – несчастный гуманитарий.

В конце концов я махнул на проклятый телевизор рукой, поставил его на кухне поверх холодильника, и лишь изредка, в приступе душевного расстройства, напевал при виде вечно голубого экрана:

– Некому березку доломати...

Года три спустя мы сидели на кухне с одним моим приятелем – имя его вам ничего не скажет, тем паче что во время Большой Игрушечной он погиб под развалинами собственного дома. Сидели, пили водочку, заедали маринованными баклажанами. Говорили о возвышенном, поскольку дам поблизости не наблюдалось, и можно было дать волю языку. Слово за слово, спросил он у меня про телевизор. Я объяснил. Ну а он от водочки раскраснелся, смеется – хочешь, спрашивает, почино? Только не пугайся и не считай

меня душевнобольным.

Не успел я кивнуть, как он уже телевизор ладошкой поглаживает. Пыль стер, забормотал что-то, потом баклажан взял и давай экран натирать. Ну и постного масла за решеточку динамика капнул.

Ничего удивительного, скажете? Это для вас, Алик, ничего удивительного, потому что немалую часть сознательной жизни вы прожили уже **после** Большой Игрушечной! А тогда за такие манипуляции смирительную рубашку надевали. Мало ли, сегодня он телевизор взасос целует, а завтра с топором на ближнего кинется! Ну да неважно... Короче, включаем мы чертов агрегат и сидим себе дальше. Работает. Час работает, два, три... изображение такое – любое японское чудо техники от зависти сдохнет!

Вот так я впервые и познакомился с сектантами Волиебного слова. Впрочем, к тому времени их почти никто не звал сектантами, особенно в кулуарах не так давно организованного НИИПрим. Института прикладной мифологии.

Через неделю приглашают меня...

* * *

Словно издалека до меня донесся голос Ритки:

– Так что лучше на время вообще уматывайте в пригородную зону. Рассосетесь по области, глядишь, через пару месяцев уляжется... Только все сразу не ломитесь, чтоб не созда-

вать ажиотажа – сперва женщины и дети, потом старики, потом остальные. И пусть эти остальные хотя бы в ближайшую неделю из Дальней Срани не высовываются, чтоб нашим не к чему придаться было. Понял?

– Понял, – это уже Фол. – Попробуем. А с фермерами мы издавна на коротком колесе – перезимуем... впрочем, какая зима! – март-месяц на носу...

Дальше я их не слушал.

Что ж это творится, господа хорошие?! Крыша у меня совсем поехала, что ли? Выходит, Ерпалыч книжицу свою дурацкую мне подсовывал, только чтобы я это письмишко прочитал? Да еще с наказом: ежели опосля ему звонить вздумая, так непременно под «Куреты» вопиющие, дабы враги не подслушали часом, как я губами шевелить буду?! Ну знаете...

– Алик, извините, но вас просят к телефону!

Я поднял голову.

– Что? А, Гоша... да, иду, иду!

Телефон стоял в подсобке, позади стойки. Уже беря трубку, я предчувствовал, что ничего хорошего от сегодняшнего вечера я не дождусь. Но голос, который я услышал...

– Алик, ради Бога... извините за назойливость, но не могли бы вы сейчас зайти ко мне?

И после долгой щемящей паузы:

– Я вас очень прошу...

Гудки толкались в мембрану, шипя и отпихиваясь плеча-

ми, а я все стоял столбом и глядел мимо услужливо улыбающегося Гоши.

Я знал, что выполню эту просьбу.

7

– Послушайте, мужики...

Не слушают.

– Мужики... Вы тут обождите, а я на полчасика домой слетаю. Хорошо? Ну надо мне!..

– Если надо, то по коридору налево, в белую дверь с большой буквой «М», – отозвался бесчувственный Ритка, прекрасно зная все мои заскоки и давно к ним привыкнув. – Тебя подбросить?

– Да ну, тут пять минут ходьбы... Лучше закажи мне у Рудяка филе в грибной подливке – жрать хочется до зарезу! – да скажи, что для Алика. Луку пусть много не кладет. Ну, я пошел?

– Я его доставлю, – вмешался Фол, мигом выворачивая колеса и вставая во весь свой немалый рост. – У тебя, Ричард Родионыч, мотоцикл на привязи, пока ты цепь отомкнешь... А я всегда «на ходу»!

– Да у меня с полоборота... – завелся было Ритка, но мы с Фолом уже пробирались к гардеробу за моей курткой. В итоге наш бравый жорик-ренегат махнул рукой и принялся за пиво, явно намереваясь с пользой дожидаться моего воз-

вращения.

Выбравшись на улицу, я запахнул куртку и с наслаждением вдохнул сухой морозный воздух.

– Садись, – Фол хлопнул себя по... ну, короче, по спине, покрытой джинсовой попоной, из-под которой валил пар.

Кентавр раньше подвозил меня несколько раз, так что я, нимало не смущаясь, вмиг устроился поверх попоны и ухватился за горячие мускулистые плечи. Торс Фола был затянут лишь в футболку с надписью «Халки» (что сие означало – убей, не знаю). Верхней одежды кенты не носят, да и не нужна она им. Неизвестно, жарко ли им летом, но зимой они ничуть не мерзнут – это факт. Такие уж они удались: горячие. И вовсе не потому, что в венах у них солярка, и шерсть у них внутри, под кожей, не растет – чушь это, сказки дураков и для дураков.

Фол рванул с места и помчался по улице, забывая притормаживать на поворотах. Ездят кентавры почти беззвучно, если песен не горланят, и скорость у них при этом – куда любому служивому на мотоцикле! Короче, кататься на них верхом – одно удовольствие, только мало кто об этом знает.

Видел я, как они детей человеческих из Дальней Срани на себе катают; да детишки те не чета обычным центральным чистоплюйчикам... А взрослые даже там не напрашиваются. В детстве пробовали, потом выросли – все, отрезало. Боятся. Или стесняются.

А мне – плевать. Друзья мы с Фолом. Я его семь лет назад у подъезда своего подобрал и не знаю как в одиночку к себе на третий этаж затащил. Раненый он был. Жорики в него стреляли: Фол с дружками по молодости витрину расколошматили, а рядом с витриной банк какой-то был, сигнал откуда пошел, что кенты банк грабят, вот служивые не разобрали горяча и пальнули вдогонку. Память о Большой Игрушечной тогда совсем свежей была, не запеклась-заросла, любой шухер – светопреставление... А жорики – тоже люди. Две недели я Фола выхаживал, вместе с Натали (она по тем временам еще со мной жила и о ребенке мечтала), чудом спасли – Натали у меня с медобразованием, а в храм-лечебницу или там к батюшке мы обращаться боялись.

Свечку Марону-Сирийцу ставил, за болящего, если жар долго не спадал, а на большее духу не хватило. Вот с тех пор я все думаю – может, это Ритка в Фола стрелял?

Может, и Ритка.

Чего уж теперь...

Доехали мы за пару минут. Фол плавно притормозил у моего подъезда, и я соскочил на снег.

– Тебя подождать? – спросил Фол.

– Нет, не надо. Не заставляй Ритку долго пить в одиночестве. А я скоро вернусь. Не уходите без меня, хорошо?

Фол кивнул и чуть ли не со свистом умчался, подняв за собой целую метель.

А я, набрав полные ботинки снега и прыгая через ступеньки, вихрем ворвался в подъезд (только не в свой) и отдышался лишь у обитой ветхим дерматином двери, за которой и обитал странный человек – псих Ерпалыч.

«Алик, ради бога... извините за назойливость, но не могли бы вы сейчас зайти ко мне? Я вас очень прошу...»

Еще спустя пять минут я очень хорошо понял Ритку. Потому что на сотый призыв хриплого звонка никто в сотый раз не откликнулся.

Я сел на ступеньку, обмахиваясь краем шарфа – и до меня донесся какой-то приглушенный звук.

Не то стук, не то стон.

Я прислушался – да нет, все тихо... а вот опять повторилось. И еще раз, но уже совсем еле слышно. Я вскочил, приложил ухо к двери, постоял так с минуту, но больше ничего не услышал.

Попробовал дверь – крепкая, однако...

Ломать, конечно, не строить, только хорош я буду – явился на ночь глядя, хозяина дома не застал, так дверь ему сломал... да и не потяну я один эту штуковину.

За моей спиной раздалось щелканье замка и металлический лязг цепочки. Я обернулся и увидел приоткрытую дверь соседней квартиры. Из образовавшейся щели торчал острый старушечий носик. Очень знакомый носик. Только я боль-

ше привык видеть его не торчащим из щели, а склоненным над быстро мелькающими спицами. Вечный атрибут нашего летнего двора, три старушки с вязаньем на скамеечке, три Мойры с клубками из нитей жизни... и одна из Мойр была сейчас передо мной.

– Здравсьте, тетя Лотта! – сказал я.

– Алик? – носик сморщился, принюхиваясь. – Ты один?

– Один я, один, тетя Лотта, – я говорил добродушно и нарочито весело, держа руки на виду и пытаюсь излучать добропорядочность.

Словно зверька успокаивал.

Дверь на миг захлопнулась и почти сразу же открылась полностью, пропуская на площадку тетю Лотту – сухонькую бабульку в ситцевом халатике и войлочных шлепанцах. Руки ее были мокрыми (готовила, должно быть, или стирала), она держала их на весу, и впрямь напоминая поднявшегося на задние лапки зверька.

– Алик, – еще раз сказала тетя Лотта, и мелкие черты ее морщинистого личика сложились в удивленно-радостную гримасу. – Ты чего тут шумишь, Алик? Забыл что-то у Ерпалыча, да? Я знаю, ты утречком сидел у него, небось, водку хлестали, я все знаю, Алик, даром что старая...

– Забыл, тетя Лотта, – я решил не вдаваться в подробности. – Ты не знаешь, где Ерпалыч?

– Да где ж ему быть, как не дома? Я целый день, почти-тай, никуда не выходила, только мусор выбрасывала – слы-

хала бы, когда б он дверью хлопал... Дома он, Алики, дома! Ты позвони-ка еще разок, он откроет...

Я машинально нажал на кнопку звонка. В Ерпалычевой квартире злобно захрипело, забулькало – и минутой позже что-то упало на пол.

Что-то тяжелое и мягкое.

Во всяком случае, звук был именно такой.

И тогда я принял решение.

– Ты, тетя Лотта, постереги тут, а я мигом, – и я сорвался вниз по лестнице, перепрыгивая по полпролета, споткнувшись о наружный порожек и кубарем выкатившись во двор, со всей возможной скоростью несясь по слабо освещенной улице и жалея только об одном – что я не кентавр.

* * *

На обратном пути я уже не жалел об этом, потому что мчался верхом на Фоле, второй раз за сегодняшний вечер по одному и тому же маршруту, а следом за нами раненым в задницу Калидонским вепрем ревел Риткин «Судзуки», надрываясь под суровым сержантом-жориком и плюя на все ограничения скорости – хорошая машина, служебная, заговоренная... Мокрый снег сек наши лица, редкие фонари испуганно шарахались в стороны, всплескивая суматошными тенями – а позади недоуменно гудела толпа в дверях «Житня», и Илюша Рудяк в меховой безрукавке объяснял новичкам,

что это Алик-писака, значит, нечего зря нервничать и стучать заведение, пошли внутрь, и все пошли, кроме гнедого кентавра с похабной татуировкой на плече, который все стоял, окутанный метелью, и смотрел нам вслед со странным выражением лица...

8

Дверь вынес Фол.

С одного удара.

Только что он скакал впереди всех по лестнице, развернув колеса поперек туловища и совершая такие немыслимые телодвижения, что бедная тетя Лотта при виде этого ужаса вжалась в стену, забыв дышать – и вот Фол уже разворачивается на крошечном пяточке лестничной площадки, чудом не зацепив старушку, и с места берет крейсерскую скорость, набывчившись и вытянув хвост струной.

В дверь он вписывается правым плечом. Раздается дикий треск – и я едва успеваю подхватить тетю Лотту, а набегающий сзади Ритка зачем-то сует ей под нос свое синее удостоверение, чем сразу приводит бабушку в чувство, похлеще нашатыря.

– Алик! – благим матом ревет Фол из недр квартиры. – Давай сюда! Со стариком плохо!..

И я «даю сюда» – поскольку тетя Лотта теперь в состоянии стоять сама. Я врываюсь в памятную комнату, больно уда-

ряясь коленом о журнальный столик, блюдечко с одиноким ломтиком сала сваливается на пол и разбивается вдребезги, я шиплю от боли и вижу опрокинутое плетеное кресло, возле которого лежит недвижимый Ерпалыч.

Мне хорошо видно его лицо. Поэтому сперва мне кажется, будто старик хитро подмигивает нам. Лишь потом я понимаю, что злая судорога стянула левую половину лица Ерпалыча – и лицо окаменело в этой нелепой асимметрии клоунской маски.

Ритка отталкивает меня и падает на колени рядом со стариком, прикладывая пальцы к тощей жилистой шее.

– Жив, – говорит Ритка. – Похоже на инсульт, но – жив.

Фол у окна перестает напряженно всматриваться в темноту и беззвучно подъезжает к телефонному аппарату, стоящему на тумбочке в углу.

– Звони в «скорую», – запоздало бросает ему Ритка.

Фол поднимает трубку, перетянутую синей изолентой, чертит знак соединения, долго вслушивается... и кладет трубку обратно на рычаг.

– Не работает, – зло рычит он и грозит кулачищем в окно, словно там, в снежном мраке, стоит и ухмыляется кто-то, виновный во всем.

– Я сейчас, я мигом, – слышим мы из коридора, – я от себя позвоню.

Выглянув наружу, я вижу прихожую тети Лотты (дверь ее квартиры распахнута чуть ли не настежь, и безработная це-

почка возмущенно раскачивается); я вижу, как старушка семенит к телефону, снимает трубку, набирает номер... еще раз... чертит знак с приговоркой...

И возвращается, виновато помаргивая.

– Шумит там, – оправдывается тетя Лотта. – Шумит и урчит, ровно зверюка, а гудков нету... Может, я к соседям сбегая? Сбегать, Алинька? Или заговором пугнуть?! Детвора со двора до сих пор пристаёт: как без монетки с автомата звонить?..

Я молчу. У меня нет никаких причин подозревать Тех в причастности к инсульту Ерпалыча, но я молчу. Почему-то мне кажется, что в телефонных аппаратах соседей завелся тот же зверь, что и в аппаратах Ерпалыча с тетей Лоттой.

Заговаривай, не заговаривай...

Фол наклоняется и берет Ерпалыча на руки. Старик лежит на бугристых руках кентавра, как ребенок, как костлявый подмигивающий ребенок в заношенном халате, и пояс халата распустился, волочась по полу. Ритка по-прежнему стоит на коленях и лишь поднял взгляд на Фола.

В глазах Ритки горит молчаливое недоумение.

– Поехали, – коротко бросает Фол. – В неотложку.

И собирается выкатиться в коридор, но я заступаю ему дорогу.

– Ты что, добить старика решил? – интересуюсь я. – Он же полуголый! Кент ты безмозглый!..

Фол с непониманием глядит на меня. Хвост его изогнут

вопросительным знаком, но спустя мгновение до Фола явно доходит смысл моих слов, вопросительный знак становится просто хвостом, и кентавр бережно опускает Ерпалыча на продавленный диван.

Жалобно скрипят пружины.

– Одевайте! – командует Фол.

Одевать, надо полагать, должен я.

Я оглядываюсь по сторонам, но меня выручает тетя Лотта.

Она уже выходит из соседней комнаты, неся белье, пахнущее цветочным мылом, и костюм старомодного покроя на пластмассовых плечиках.

– А козух-то в коридорчике, на вешалке, – спокойно говорит она и принимается хлопотать над бесчувственным Ерпалычем, умело переворачивая его, как если бы обряжение тел парализованных стариков было первейшей и ежедневной обязанностью тети Лотты.

– В коридоре козюшок, Алик. Тащи его сюда. И шарфик с шапкой не забудь. У-у, старый, зря я тебе стирала, раз ты помирать собрался, обидел ты меня, Ерпалыч... ты уж поживи еще маленько, а вернешься – я тебе обед сготовлю, из трех блюд, а потом пойдем мою Чапу выгуливать, я ж знаю, ты любишь ее выгуливать, и она тебя любит, псих ты старый...

Руки тети Лотты снуют легко и сноровисто, а губы уже бормочут привычное: *«Едыго естное переносное, с раба крещеного, с крови на кровь – сухотку, ломотку, корючку, болючку... пусть слово тако скотко жрет-подавится, боль-*

ной поправится...» Я приношу кожух и вытертый шарф с облезлой шапкой, помогаю приподнять Ерпалыча – он кажется мне легким и пустым, словно внутри у него ничего нет – и тетя Лотта застегивает последнюю пуговицу, удовлетворенно причмокивая.

– Эй, хвостатый, – через плечо бросает она Фолу, – бери-ка... Да не растрясси-то, его нельзя трясти сейчас! Ишь, какой ты вымахал здоровущий, на тебе воду возить...

И случается невозможное: Фол подкатывает к дивану и, прежде чем взять Ерпалыча на руки, неловко целует тетю Лотту в щеку, а она треплет могучего кентавра по лохматому затылку, как дворового мальчишку, выросшего у нее на глазах.

– Довезешь? – спрашивает Ритка у Фола.

– Довезу.

И я понимаю – да, довезет.

До неотложки, а если понадобится – то и дальше.

Куда надо будет, туда и довезет.

9

Храм неотложной хирургии находился на другом конце города, в трех автобусных остановках от Горелых Полей. С северо-запада он примыкал к лесомассиву, достаточно благоустроенному, чтобы летом там было полно влюбленных и выпивох – ценителей природы, кучковавшихся в укромных

беседках; на восток от неотложки располагался колоссальный яр, за которым уже начиналась Дальняя Срань.

Я взбежал по ступенькам, слыша за спиной тяжелое дыхание Фола и лязг цепи, которой Ритка наскоро приковывал свой мотоцикл к врытой в землю скамейке; распахнулись стеклянные двери, укоризненно глянул сверху Спиридон-чудотворец, епископ Тримифунтский, осуждая суету в святом месте – и я оказался в просторном холле.

В пяти метрах от меня за столом восседала молоденькая дежурная: пухленькое, в меру симпатичное существо в накрахмаленном халатике и таком же чепчике с красным крестом вместо кокарды.

Брошюру листала: «Влияние ворожбы на эфферентную иннервацию»... небось, зимнюю сессию завалила!

– Дежурная сестра милосердия... – привычно затараторила она и осеклась, когда следом за мной въехал курящийся паром Фол с Ерпалычем на руках.

Появление же хмурого Ритки в засыпанном снегом казенном полушубке без погон, казенных сапогах и цивильном вязаном «петушке» ввергло сестру милосердия в ступор.

Она даже моргать перестала.

Ритка замер у двери, словно по служивой привычке собираясь на всякий случай блокировать выход. Фол уложил Ерпалыча на кушетку у стены и принялся разминать уставшие руки, нервно подергивая хвостом; и я понял, что пора разряжать ситуацию.

– Вы понимаете, девушка, – вежливо улыбаясь, я безуспешно пытался заслонить собой кентавра, – мы до «скорой» не дозвонились, вот и пришлось своим, так сказать, ходом...

Нет.

Она по-прежнему не моргала.

– Больного принимай, – буркнул от дверей Ритка-сержант. – Чего вылупилась-то?..

Вмешательство Ричарда Родионовича лишь ухудшило положение.

– Я на улице подожду, – догадливый Фол покатил к стеклянным дверям, но они раскрылись сами. И, отодвинув Ритку, в холл вошел высокий черноусый мужчина лет сорока пяти, одетый в дорогую дубленку, из-под которой снизу торчали полы белого халата.

– Идочка! – зарокотал он, привычно крестясь в сторону красного угла на другом конце фойе. – Ну почему в челюстно-лицевом вместо Пимена Печерского-Многоболезненного опять Агапиту Печерскому кадят?! Я же вас просил перезвонить! До каких пор...

Начальственный рык мигом вернул сестру Идочку на нашу грешную землю.

– Генрих Валентинович! – лепечет она, поглядывая то на черноусого, то на Ритку с Фолом (я и Ерпалыч как бы не в счет). – Генрих Валентинович, тут... ой, тут такое!..

Но великолепный Генрих Валентинович уже видит все,

что должен был увидеть.

К его чести, первым делом он направился к кушетке с Ерпалычем. Проверил пульс, заглянул под веки, расстегнул кожаную куртку и приложил ухо к груди старика – после чего повернулся ко мне.

Фола и Ритку он демонстративно игнорировал.

– Ваш родственник? – строго интересуется черноусый.

– Нет, – почему-то смущаюсь я. – Так... сосед.

– Ясно. Документы на него есть?

– Какие документы?! – не выдерживает Ритка. – Вы что, не видите: человек умирает!

Генрих Валентинович не видит.

Ослеп.

– Я – старший сержант патрульно-постовой службы! Вот мое удостоверение, и в случае чего я подам на вас рапорт в областные органы! Вы слышите меня?!

Генрих Валентинович не слышит.

Оглох.

– Я – заместитель главврача, – говорит он мне. – У больного, по всей вероятности, инсульт. Без документов я не могу узнать, какие обряды больной совершал в последние шесть месяцев, но... Идочка, я пройду к себе, а вы оповестите реанимацию. Хорошо? Пусть готовят отдельную палату, капельницу и алтарь в западном крыле.

Идочка бросается к телефону, а Генрих Валентинович покидает нас. Впрочем, не сразу – проходя мимо красного угла,

он вдруг останавливается, словно собака, услышавшая хозяйский окрик, с минуту глядит в стену и наконец уходит, но шаг Генриха Валентиновича уже не столь уверен, как раньше.

Мы ждем.

Дежурной бригады, или кто там должен был явиться за стариком, все нет и нет. Я спиной чувствую, как начинает закипать Ритка, сестра Идочка сидит как на иголках – и с облегчением выдыхает воздух, когда возвращается Генрих Валентинович.

Лицо его строго и спокойно, дубленку он снял и теперь сияет кафельной белизной; он чист и холоден, как зима за окнами – только ноздри породистого носа с горбинкой раздуваются чуть больше обычного, портя общую картину.

– Мы не можем госпитализировать больного, – тихо говорит Генрих Валентинович, и голос его чрезмерно спокоен для того, чтобы быть таким на самом деле. – Его надо в неврологию с реанимационным блоком, а там нет свободных мест. И опять же – документы... я не имею права, основываясь только на вашем заявлении... необходимо сообщить, уведомить, а пока...

Ритка устраивает безобразную сцену. Он кричит, угрожает, топает сапогами и размахивает своими синими «корочками», порывается звонить непонятно куда, но это не важно, потому что в телефонной трубке урчит знакомый нам зверь – а я смотрю на бесстрастного Генриха Валентиновича, кото-

рый предлагает возить больного в окружную храм-лечебницу, но все машины сейчас в разъезде по вызовам, и посему... я смотрю на бледную Идочку, на вспотевшего Ритку, на Фола – и кентавр понимает меня без слов.

Он неторопливо подкатывает к кушетке, проехав так близко от Генриха Валентиновича, что замглавврача умолкает и невольно отшатывается, застегивает на Ерпалыче ко- жух и вновь берет старика на руки.

После чего выезжает через стеклянные двери.

Промокшая насквозь джинсовая попона лежит на спине кентавра с достоинством государственного флага, приспущенного в знак скорби; и прямая человеческая спина Фола красноречивей любых воплей и скандалов.

Я иду за ним. У входа я оборачиваюсь и вижу замолчавшего Ритку. Ритка стоит и смотрит на Генриха Валентиновича, смотрит долго и страшно, и я начинаю опасаться, что белый халат зама сейчас начнет дымиться под этим взглядом.

– Я т-тебя, с-сука...

Ритка вдруг начинает заикаться, не договаривает и, резко повернувшись, почти бежит за нами.

Взгляд исподтишка...

Наверное, годам к пятидесяти он малость обрюзгнет, обзаведется лишним жирком, складки на талии обвиснут за ремень, и бритый затылок в жару придется часто промо-

кать платком, сопя и отдуваясь. Но все это случится потом, если случится. А сейчас он по-хорошему широк в кости, массивен без тяжеловесности, при желании легок на ногу; и ранние залысины на висках, да еще глубокая морщина между бровями – они тиснятся, пыжатся, из кожи вон лезут, и все никак не могут придать солидности его курносому лицу.

И еще: привычка закладывать большие пальцы рук за ремень, покачиваясь с пятки на носок.

Вот он какой, старший сержант Ритка...

Последнее, что я вижу: сестра милосердия Идочка что-то захлеб говорит черноусому, а тот глядит мимо нее, и глаза Генриха Валентиновича полны болью и страхом.

«Откройте пещеры невинным сезамом, – бормочет кто-то у меня в голове, – о вы, лицемеры, взгляните в глаза нам!.. взгляните, взгляните, в испуге моргните, во тьму протяните дрожащие нити...»

Голос затихает, я вздрагиваю и выхожу за Фолом в снег и ночь.

10

На автобусном кругу, метрах в пятистах от проклятой неотложки и сволочного Генриха Валентиновича, мы остановились.

Снег перестал идти. Небо блестело холодными искрами, вокруг было тихо и пустынно. Следы наши на этой девственной белизне выглядели уродливо и нелепо: две колеи от колес Фола и Риткиного «Судзуки», две цепочки обычных следов, моих и Риткиных, поскольку бравый жорик шел пешком, ведя мотоцикл за рога, и дорожка крестиков, оставленных любопытной вороной, скакавшей за нами от самой храм-лечебницы.

Фол наклонил голову, прислушался, дышит ли старик, и обеспокоенно нахмурился.

– Я поеду через яр, – тоном, не терпящим возражений, заявил кентавр, – а ты, Алик, обойди по мостику... Знаешь, по какому?

Я знал – по какому. В первый раз, что ли?

– Встретимся на той стороне у бомбоубежища, – продолжил Фол, – и оттуда ко мне. Договорились? Посидишь со стариком, а я по Срани помотаюсь. Что у нас, своих врачей не найдется?

– А я? – недоуменно спрашивает Ритка. Одинокий фонарь раскачивается над ним, и тень сержанта елозит по снегу, словно пытаюсь освободиться и убежать. – Я с вами!

– Не надо тебе с нами, Ричард Родионыч, – Фол в упор глядит на Ритку, и в голосе кентавра звучит уверенность пополам с симпатией к собеседнику. – Никак не надо. Наши не тронут, раз ты со мной, – так ваши не простят. Кто тогда этого Генриха достанет? Я? Или Алик? Вот оно как, сержант...

– Ночью, через яр... – бормочет Ритка, с сомнением кусая губы. – Ты, Фол, не опасаясь, а?

– Не опасаясь, – улыбается Фол.

– Ну а когда там... Снегурки да Деды-Отморозки пьяные гуляют? Захороводят ведь?!

– Так ведь и я там не всегда трезвый гуляю, – уже откровенно смеется Фол, но я его не слушаю, потому что никак не могу избавиться от ощущения, что за нами наблюдают.

Желтый свет фар мечется по улице, и из-за проволочного заграждения вокруг неотложки показывается приземистый «микро» специализированной скорой помощи. Открываются ворота – хотя я не вижу возле них ни одного человека – и машина, ворча и разбрасывая снег, приближается к нам.

Останавливается.

Хлопает дверца.

«До чего же мне осточертели белые халаты!» – думаю я, глядя на высунувшегося из машины парня.

– Чего надо? – неприветливо интересуется Ритка.

– Я сейчас открою заднюю дверцу, – вместо ответа сообщает парень, – так вы его туда и заносите... На койку положите, она в стену встроена.

Потом, наконец, до парня доходит.

– Я – заведующий кардиологическим отделением, – торпливо добавляет он. – Мне Идочка сейчас звонила... В общем, наплюйте вы на Генриха. Известный перестраховщик. Морду бы ему набить – да нельзя.

– Жалко, – понимающе кивает Ритка.

– Кого жалко? Генриха? Вот уж кого ни капельки...

– Жалко, что нельзя. А то я уж было решил, что можно.

Парень смеется. Смех у него хороший, искренний, и я сам не замечаю, как начинаю улыбаться в ответ. Фол тем временем объезжает машину и, судя по звукам, принимается загружать Ерпалыча внутрь. Слышен приглушенный лязг (инструментов, что ли?) и женский немолодой голос:

– Юлик! Готовь шприц! И помоги мне снять с него этот жуткий кожух...

Фол выкатывается из-за машины. Руки его пусты, и в первый момент это мне кажется ненормальным. Потом я замечаю, что руки кентавра слегка дрожат. Фол тоже замечает это, хмурится – и руки перестают дрожать.

– Завтра с утра можете зайти в кардиологию, – говорит парень, – в седьмой корпус. Узнаете на входе, какая палата, и разрешены ли посещения. Спокойной ночи!

Он кивает плечистому шоферу, сидящему рядом с ним и за все это время не произнесшему ни слова. Машина трогается с места, начиная разворачиваться.

– Хороший парень, – подводит итог Ритка. – Не то что этот гад Генрих! Вот кого надо в главврачи...

Ворона, затаившаяся при появлении машины, вновь осмелела, подскакала поближе, клацнула клювом и полетела прочь, хрипло хохоча над нами и всем сегодняшним сумасшедшим днем.

На обратном пути меня прихватило. Я ехал позади Ритки на его мотоцикле – Фол хорохорился, но было ясно, что он здорово устал, – я то и дело тыкался лицом в овчинную спину служивого, как слепой кутенок тычется в безразличную мамашу; мне было нехорошо, все время казалось, что кто-то невидимый вцепился сзади в мою тень и дергает ее из всех сил, пытаюсь оторвать или на худой конец просто скинуть меня с мотоцикла... Я понимал, что это бред, но меня по-прежнему дергало, и я все крепче вцеплялся в Ритку.

А он ехал медленно и осторожно – видимо, что-то чувствовал.

Они проводили меня до самого дома. И правильно сделали: дважды нас останавливал патруль, и оба раза это оказывались Риткины приятели-знакомые, так что мы ехали дальше без хлопот; а подозрительные личности, попадавшие на нас по дороге, отступали в переулки, понимая, что им придется за нами гнаться, либо с нами драться, либо и то и другое последовательно, а опыт подсказывал подозрительным личностям, что лучше не рисковать, нарываясь на трех взрослых мужиков, один из которых не мужик даже, а кентавр, и второй тоже не мужик, а, похоже, жорик, ну и третий тоже вроде бы не очень-то мужик, ишь, телепается... да пошли они все к чертям собачьим!

У моего подъезда мы остановились. Я слез с мотоцикла и тут же ухватился за Риткино плечо, потому что меня повело в сторону.

Фол озабоченно посмотрел на меня, подергал себя за бо-роду и, словно решившись, полез под попону и извлек оттуда пластмассовую фляжку с закручивающимся колпачком.

Горлышко сего сосуда было красиво оплетено цветной проволокой, а ниже плетенки на цепочке болталось человеческое ухо. Маленькое, с ноготь. Шутники хреновы...

– Хлебни-ка, – Фол протянул мне фляжку.

– Не хочу, – чувство равновесия мало-помалу возвращалось ко мне, и только глотка кентовского самогона мне сейчас не хватало!

– А я не спрашиваю, хочешь ты или не хочешь! Я говорю – хлебни. Только немного, иначе стошнит. Домой придешь и спать ляжешь... а спиртного до завтра не пей. Короче, пока совсем не проспешься. Понял?

Если у вас есть выбор: спорить с кентавром или биться головой об стенку – смело начинайте искать ближайшую стенку. Я отвинтил колпачок и осторожно припал губами к фляжке. Питье было безалкогольным, кисловатым и слегка отдавало перечной мятой. После первого глотка я почувствовал, как по моим мозгам прошлись наждаком, сдирая накопившуюся за день плесень, и по телу пробежала освежающая волна. Второго глотка я сделать не успел – Фол отобрал у меня фляжку и спрятал под попону.

– Обопьешься, – грубовато буркнул он. – А теперь – спать.

– Тебя проводить? – машинально поинтересовался Ритка у кентавра.

– Ага, – весело отозвался Фол, стряхивая хвостом снег с ближайшего куста. – Чтоб наши подумали, будто я под арестом. Или что я – извращенец. Спокойной ночи, Ричард Родионыч!

И без лишних слов умчался прочь.

– Я тебе завтра позвоню? – Ритка взгромоздился на мотоцикл и вопросительно посмотрел на меня.

– Позвони, – согласился я, прислушиваясь к новым ощущениям в себе. – Только не очень рано.

Ритка пнул ногой стартер, а я повернулся к моему другу спиной и побрел к подъезду.

Уже стоя у двери в квартиру и нашаривая в кармане ключи, я услышал робкое повизгивание и обернулся, ожидая чего угодно.

На лестнице, ступенек на шесть выше моей площадки, сидел пес. Большая такая собачина, не меньше овчарки, серая с подпалинами и ужасно несчастная. Шерсть на звере была мокрая и слипшаяся, язык не умещался в пасти и выпал наружу, как штандарт сдающейся крепости; и сидел этот серый побродяжка неуклюже, боком, сильно перекосившись налево.

– Здорово, – удивленно сказал я.

Пес закричал и полез по ступенькам вверх, жалобно поскуливая – надо полагать, от греха подальше.

– Тебя как зовут-то? – спросил я вслед.

Пес взвизгнул что-то вроде: «Ну чего тебе от меня надо?!» – и лег на следующей площадке, отвернув голову.

Впрочем, уши его настороженно торчали. Мало ли, может, я побегу следом и буду пинаться ногами...

– Колбасы хочешь? – поинтересовался я.

Учуяв жалость в моем голосе, пес соизволил повернуться и заскулил, протяжно-тоскливо ропща на судьбу.

– А ты не кусаешься, приятель?

«Ни в коем случае!» – метровыми буквами было написано на его морде.

Я открыл дверь и приглашающе махнул рукой.

– Заходи, серый, гостем будешь!

Пес не тронулся с места.

– Ну, как знаешь, – я зашел в квартиру, оставив дверь открытой.

И как в воду глядел: не прошло и минуты, как на лестнице раздалось сбивчивое цоканье когтей о ступеньки, и в дверь просунулась собачья морда.

Я к этому времени уже успел сходить на кухню и вооружиться изрядным куском колбасы. Видимо, это оказалось решающим аргументом – не сводя глаз с возжеленной еды, пес прохромал в прихожую (заднюю левую лапу он сильно подволакивал) и приступил к ритуалу знакомства: обню-

хиванию моих рук, дружелюбному ворчанию, вилянию хвостом, подсовыванию своего мокрого затылка под мою левую ладонь для поглаживания, деликатному пережевыванию колбасы и так далее.

Доев колбасу, пес подошел к дверям и остановился в ожидании.

– Уйти хочешь?

Пес лег у дверей, положил голову на передние лапы и прикрыл глаза. Я запер дверь – никакой реакции. Как всю жизнь тут провалялся.

– Сторож... ну, спи пока, а завтра решим, как с тобой быть. Ричарду тебя отдам – будешь служебно-розыскной собакой!

«Ага, разогнался!» – сонно проворчал мой сторож, а я вернулся на кухню и снова полез в холодильник.

Есть не хотелось, но на верхней полке обнаружился стакан с водой, и это было как нельзя кстати. Я захлопнул дверцу, жадно припав к стакану, и лишь когда половина стакана оказалась выпита, я понял, что это не вода. Водка это была – но настолько ледяная, что спиртовой запах практически не ощущался, да и вкус...

Не помню, дошел ли я до кровати.

12

...Я был медной наковальней, падающей с неба.

Я падал десять дней и ночей, розовоперстая Эос с завидной регулярностью выходила из мрака и в него же возвращалась, ветер пронзительно свистел в ушах (наличие ушей у меня-наковальни почему-то казалось совершенно естественным), и нахальная ворона с профилем Фимы Крайца все кружила рядом, вереща дурным голосом о том, что сейчас я пробью землю насквозь и попаду в геенну огненную, а после буду лететь дальше еще десять дней и десять ночей, и вот тогда-то начнется самое интересное...

Но до самого интересного я не долетел.

Вместо этого я неожиданно оказался в очень темном и сыром месте, где пахло грибами, и шагах в двадцати от меня коренастый дядька с блекло-рыжими волосами и бородой присел на корточки, сосредоточенно ковыряя землю коротким мечом.

Лица дядьки я не видел.

«Вступи ты в Аидову мглистую область», – прозвучало у меня в голове, и я вздрогнул, когда воздух вокруг наполнился чеканной поступью воинов, ровными рядами шагающих туда, откуда не возвращаются.

... вступи ты в Аидову мглистую область,

Быстро бежит там Пирифлегетон в Ахероново лоно

Вместе с Коцитом, великою ветвию Стикса; утес там

Виден, и обе под ним многошумно сливаются реки...

И впрямь поверх сидящего на корточках землекопа про-

ступила громада мрачного утеса, тенью дремлющего великана нависнув над дерзким; и брызги ударили о замшелый каменный бок, шумом подземных рек вторгаясь в тишину этого места, где пахло грибами, а еще – забвением.

А дядька все копал и копал.

«Слушай теперь, и о том, что скажу, не забудь...» – прошептал кто-то совсем рядом, и вдруг зашелся сухим, лающим смехом, прозвучавшим подобно святотатственной клятве.

– Слушай теперь, и о том, что скажу, не забудь: под утесом,

Выкопав яму глубокую, в локоть один шириной и длиною,

Три соверши возлияния мертвым, всех вместе призвав их:

Первое – смесью медвяной, второе – вином благовонным,

Третье – водою, и все пересыпав мукою ячменной,

Дай обещанье безжизненно веющим теням усопших:

В дом возвратяся, корову, тельцов не имевшую, в жертву

Им принести и в зажженный костер драгоценностей много

Бросить...

Меня бросило в жар. Ни с того ни с сего мне показалось, что дядька, сидящий на корточках у ямы, больше похожей на разверстую могилу для карлика – это я, хотя мы были совершенно не похожи друг на друга. Это я сидел сейчас, собира-

ясь с духом и загоняя страх куда-то в живот, где он и скапливался холодной лужей, это я готовился совершить неслыханное приношение в невиданном месте, не боясь грома небесного и кары за грехи; а если б Те узнали, чего я хочу, то они содрогнулись бы и кинулись сюда, пытаюсь...

Пытаясь – что?!

– После (когда обещание дашь достойным умершим),
Черную овцу и черного с нею барана – к Эребу
Их обратив головою, а сам обратясь к Океану, –
В жертву теньям принеси; и к тебе тут немедля великой
Придут толпою отшедшие души умерших; тогда ты
Спутникам дай повеленье, содравши с овцы и барана,
Острой зарезанных медью, лежавших в крови перед
вами,
Кожу, их бросить немедля в огонь, и призвать
громогласно
Грозного бога Аида и страшную с ним Персефону;
Сам же ты, острый свой меч обнаживши и с ним перед
ямой
Сев, запрещай приближаться безжизненным теньям
усопших
К крови...

Теряя сознание, проваливаясь в дурман безумия, растворяясь в окружающей сырости, я слышал гул волн, разбивающихся об утес, и в этом гуле звучали странно-знакомые слова: «Был схвачен я ужасом бледным... ужасом... ужасом...

бледным... был схвачен... я... я... я...»

Суббота, Четырнадцатое февраля

**Не щипайте галлюцинацию за бок * Эра
Гигантовна * Сортирный исчезник мешает
Акту Творения * Архаров заказывали?
* Фима-Фимка-Фимочка * Дурные манеры
Деда Банзая * О Выворотке и не только**

1

Городское неугомонное утро вступало за окном...

Нет, это уже было.

Я лежал под одеялом, не открывая глаз...

И это уже было.

А чего тогда не было?

Память насмешливо фыркнула и свернулась колючим клубком.

Сесть на кровати удалось лишь после изрядного усилия. Должно быть, поэтому я не сразу заметил, что одет. Я никогда не спал одетым. Тем более в шерстяных рейтузах, блузе

с капюшоном и теплых носках.

Носки вообще были не мои. Не могло у меня быть таких отвратительных рябых носков грубой вязки, да еще с черными заплатами на пятках. Владелец подобной мерзости, небось, склонен к суициду.

И пьет натошак.

Нащупав тапочки, я встал и, придерживаясь за стены, направился в коридор, собираясь дотащить до ванной и плеснуть водой себе в лицо.

Желательно очень холодной водой.

Увы, в коридоре меня ждал очередной сюрприз – из ванной комнаты доносился плеск и бодрое мурлыканье. Голова немилосердно кружилась, но я все-таки ускорил шаг, распахнул дверь санузла и понял, что до сих пор вел неправильный образ жизни, дурно сказавшийся на психике.

Спиной ко мне, оттопырив пухленькую попку, еле прикрытую смешной оранжевой комбинашкой, умывалась галлюцинация.

– Гав! – зачем-то прохрипел я.

– Пшел на кухню! – не оборачиваясь, отозвалась галлюцинация.

Я подумал и ущипнул себя за бок.

Не помогло.

Тогда я подумал и ущипнул за бок галлюцинацию.

Результат превзошел все мои ожидания: раздался оглушительный визг, в ванной на миг стало тесно, я оказался на-

гражден оплеухой, взащей вытолкан в коридор и мог только ошалело слушать, как с той стороны злобно лязгает крючок.

Пнув дверь ногой, я поплелся обратно в комнату. В углу обнаружился чужой матерчатый чемодан, до половины набитый всяким барахлом. Из шкафа торчал цветастый подол, придавленный дверцей, на тумбочке валялись электрощипцы для завивки волос; рядом со щипцами сиротливо при- тулился «Помазанник Божий», крем для снятия макияжа с добавлением освященного миро. На стене, бок-о-бок с моим календарем, добавился еще один календарь – глянце- вый, канареечный, согласно которому мне сегодня рекомендо- валось класть присухи на любовь, а также орать в поле, дабы на нивах не было плевел. Я скромно опустил взор и увидел наконец самое невероятное: полы были вымыты и натерты мастикой до совершенно неприличного блеска.

Женился я во сне, что ли?!

Глядя на себя в зеркало (вид у меня был еще тот!), я по- нял, что ничуть не удивлюсь, если сейчас в комнату влетит сопливый оболтус и кинется ко мне на шею с воплем: «Доб- рое утро, папочка!»

– Доброе утро! – послышалось сзади. – Как вы себя чув- ствуете, больной?

– Твою д-дивизию... – непроизвольно вырвалось у меня.

– Что?

– Ничего... – я обернулся, всмотрелся. – Добрейшее утро, Идочка!

– Вы меня помните, больной?

– Еще бы! Дежурная сестренка милосердия в этой... этом... хре... хра... неотложке! Влияние ворожбы на референтную консервацию! Слушайте, хорошая моя, а где ваш роскошный Генрих Валентинович?! На кухне? Завтрак мне готовит?!

Идочка засмущалась и шмыгнула вздернутым носиком, одергивая полы халатика.

– Чай пить будете? – еле слышно спросила она, забыв добавить «больной». – А я вам все-все расскажу... вы только переоденьтесь, ладно?..

Взгляд исподтишка...

Все округлости чуть круглее, чем требует нынешняя мода на женщин-мальчиков; малый рост вынуждает ее смотреть почти на любого собеседника снизу вверх, доверчиво хлопая ресницами и едва ли не заглядывая в рот – многим это нравится, и видно, что да, многим... Волосы цвета осенней листвы собраны на затылке в узел, румянец играет на щеках, а нижняя губка капризно оттопырена, намекая на способность обидеться без повода и простить без извинений. Хочется погладить, почесать за ушком, мимоходом рассказав о чем-нибудь веселом, наверняка зная: она откликнется смехом, утирая слезы и сама стесняясь этого.

И еще: из таких получаются превосходные бабушки.

Вот она какая, сестренка милосердия Идочка...

Рассказ Идочки потряс меня до глубины души. Я даже не сразу обратил внимание, что пью жиденький чаек с белыми сухариками, в то время как сестра милосердия лопаёт пельмени, обильно поливая их острым кетчупом. До кетчупа ли, когда выясняешь, что без малого три дня провалялся в горячке?! Ну Фол, ну лекарь двухколесный... впрочем, он ведь честно предупреждал меня, дуrolома, чтоб не пил спиртного.

– Я из-за вас с Генрихом вдрызг разругалась, – излагала тем временем девушка, не переставая жевать. – Во-первых, выговорила от души, а он этого не любит. Во-вторых, самовольно в кардиологию позвонила; в-третьих... Короче, с утра он меня уволил. Я в общежитие – комендантша, стерва крашенная, говорит: выписывайся в двухдневный срок и шевели ножками! Потом самосвал этот, на проспекте... иду по улице, плачу, тушь потекла, не вижу ничего – а тут рев, визг, люди какие-то кричат, и водитель кроет меня на чем свет стоит! Подбегает патруль, спрашивает, я плачу, водитель орет... смотрю – в патруле знакомый ваш!

– Ритка! – догадываюсь я, незаметно ворую у разволновавшейся Идочки один пельмень.

– Ага, он самый, Ричард Родионович... положите пельмень, вам нельзя! Ой, и мне нельзя, я и так толстая, вся в маму... Короче, друг ваш уволок меня оттуда, а когда узнал,

что уволенная я, и жить мне негде, то привел к вам.

Здравствуй, Ритка, Дед Мороз! Век не забуду, благодетель!..

– Приходим, а вы не отпираете. Ричард Родионович сильно ругаться стали, еще хуже того оглашенного водителя, а потом проволочкой в замке поковырялись, открыли – смотрим, вы на полу валяетесь. И стонете. Тут Ричард Родионович мигом великомученику Артемию свечку, за телефон, в поликлинику позвонили, рывкнули на них, желудочники за полчаса приехали, очистку вам провели – и постельный режим прописали. Хотели госпитализировать: дескать, заболевание странное – так Ричард Родионович воспротивились. Сказал, что девушка – я то есть – здесь останется и приглядит, ежели что!

Я даже не очень заметил, что Идочка говорит о Ритке то в единственном, то во множественном числе. Выходит, вот это пухленькое наивное существо три дня подряд меняло на мне потную одежду и выносило булькающее судно! А я ее за бок, придурок...

– Да вы не смущайтесь! – безошибочно поняла меня добрая самаритянка. – Я ж медработник, для меня больной – не мужчина. До определенного момента.

– Спасибочки на добром слове, – буркнул я, чувствуя, что напоминаю цветом спелую помидорину.

Спас меня звонок в дверь.

Идочка помчалась открывать, а я сидел за столом, макал

сухарики в кетчуп и меланхолично отправлял в рот.

До определенного момента... это до какого? Пока не помрет?

– Олег Авраамович, это вас! – закричала Идочка из прихожей и после некоторой паузы добавила:

– Из прокуратуры!

Сухарь застрял у меня в горле.

2

Еще спустя минуту я выяснил, что сегодня мне везет на женщин.

Потому что гость, предполагаемый суровый представитель суровых органов, оказался представительницей. И ничуть не суровой, а очень даже милой дамочкой средних лет, одетой под стильным пальто в серый классический костюм – узкая юбка и жакет, плюс туфли на шпильках.

Хотя на улице зима. Значит, пришла она в сапогах, а туфли эти стильные принесла с собой.

В сумочке.

Вместо пистолета, надо полагать.

– Вы Залесский Олег Авраамович? – на щеках у следовательши заиграли обаятельнейшие ямочки, и вопрос показался чуть ли не началом объяснения в любви.

– Да, – вместо меня неприязненно ответила Идочка, выглядывая из-за плеча следовательши.

Я только руками развел.

– Я старший следователь горпрокуратуры Гизело Эра Игнатьевна. Вы разрешите присесть?

По лицу Идочки было видно: она бы ни в жизнь не разрешила.

Я указал на кресло (стоит у меня на кухне этакая развальяха в стиле ампир, еще от родителей осталась), и Эра Игнатьевна грациозно опустилась в него, закинув ногу за ногу.

Ноги у нее были – дай бог всякому.

Прокурорские.

– Мне бы хотелось познакомиться с вами, уважаемый Олег Авраамович, поближе. Ну и задать несколько вопросов, если вы не возражаете против неофициальной обстановки, – Эра Игнатьевна смотрела на меня с нескрываемым интересом, который при других обстоятельствах мог бы прийтись по душе. – Впрочем, если вы настаиваете, я могу предъявить свои верительные грамоты. И даже удалиться. До поры до времени.

Я не хотел.

– Тогда скажите: вы близко знакомы с гражданином Молитвиным, Иеронимом Павловичем?

– Нет, – честно ответил я. – Вообще не знаком. Не сподобился чести.

– Ай-яй-яй, Олег Авраамович, – наманикюренный пальчик лукаво погрозил мне, – нехорошо врать тете! По имеющимся у меня сведениям, вы не просто знакомы с гражда-

нином Молитвиным, но и доставили его третьего дня в храм неотложной хирургии. Было?

До меня понемногу начало доходить.

– Было, тетя Эра. Доставлял. Соседа своего, Ерпалыча. Вы его, надо полагать, в виду имеете?

Хлебнув чая, я подумал, что и в страшном сне не представлял старого психа Ерпалыча гражданином Молитвиным, Иеронимом Павловичем.

– Между прочим, Олег Авраамович болен, – вмешалась Идочка, вызываяще фыркнув. – Ему вредно волноваться.

– А я и не собираюсь его волновать, – ответила Эра Игнатьевна таким тоном, что я живо переименовал ее в Эру Гигантовну. – Просто именно мне поручено курировать дело об исчезновении Молитвина Иеронима Павловича, так что опрос свидетелей – моя святая обязанность, И, зная, что Олег Авраамович болен, я пришла к нему, вместо того, чтобы вызвать к себе. Девушка, почему я вам так не нравлюсь? Вы ревнуете?

Пунцовая Идочка умчалась в комнату, а я мысленно поаплодировал следователю.

После чего принялся подробно излагать, как Фол вынес дверь Ерпалычевой квартиры, как мы нашли бесчувственного старика на полу, как везли в неотложку своим ходом, как ругались с Железным Генрихом и как потом милейший парень-кардиолог забрал у нас Ерпалыча и увез...

В запале словесного поноса я чуть было не помянул утрен-

нюю перцовку, «Куретов» и мифологического библиотекаря Аполлодора, но вовремя прикусил язык.

Еще сочтет, что мы с Ерпалычем – одного поля ягода...

– Вот и мне хотелось бы узнать, куда ваш милейший парень его увез, – Эра Гигантовна, спросив разрешения, налила себе чайку и неторопливо сделала первый глоток. – Понимаете, Олег Авраамович, все дело в том, что в нашей неотложке кардиоотделением заведует женщина. Ваша ревнивая пассия может подтвердить мои слова: ведь именно она той ночью названивала кардиологичке и поругалась с нею, не дождавшись ответных действий.

Я бросил короткий вопрошающий взгляд на вернувшуюся было Идочку. Щеки моей ревливой пассии из бутонов весеннего шиповника разом превратились в поздние осенние георгины; сестренка милосердия закусил губу, судорожно кивнула и вновь изволила удалиться.

На сей раз – чеканным шагом королевы, шествующей на эшафот.

Во всяком случае, самой Идочке явно так казалось.

– Короче, – продолжила следовательша, – зав отделением клятвенно заверяет: да, дежурила, нет, никуда не выходила и никакого старика с инсультом не принимала. Записи в регистрационном журнале подтверждают ее показания. Опять же у меня есть письменное заявление заместителя главврача: о неких подозрительных личностях, мигом умчавшихся с бесчувственным стариком под мышкой, едва он принял ме-

ры к выяснению обстоятельств. Лозунг «Люди, будьте бдительны!» во плоти. Выходит, что машину за вами никто не посылал. Вы случайно не могли бы мне описать этого белохалатного «бога из машины»?

Я задумался. Парень как парень, симпатичный, доброжелательный, особенно после общения с гадом-Генрихом. Выходит, он вовсе и не врач?! Тогда кто?

Ерпалыч, кому мы тебя отдали?!

Век себе не прощу...

В прихожей послышался негромкий скрежет, словно кто-то царапался к нам со стороны лестничной площадки, потом щелкнул замок – и мгновенно раздалось Идочкино сюсюканье:

– Вот он, наш маленький, вот он, наш серенький! Ну заходи, заходи, не студи квартиру...

Наш маленький и серенький не заставил себя долго упрямиться – и мигом оказался в кухне. Было видно, что подобранный мною пес времени даром не тратил. Отъелся, надо сказать, преизрядно. Лоснился и сиял. А также держал хвост трубой, морковкой и пистолетом.

Ткнувшись по дороге мордой мне в колено и приветственно гавкнув, наглый экс-бродяга улегся в углу, заняв добрую треть кухни. После чего устался на ноги Эры Гигантовны таким взглядом, что на щеках следовательши выступил легкий румянец.

– Овчарка? – спросила она.

«Овчарка-овчарка», – умильно облизнулся пес.

– Кобель, – дипломатично ответил я.

Объявившаяся следом за собакой Идочка энергично закивала.

– Не то слово, Олег Авраамович! Всем хорош: и гуляет сам, и дома не гадит, и жрет что ни дашь, хоть мясо, хоть морковку... Зато как я мыться соберусь, так проскользнет, подлец, в ванную и не уходит! Я уж его и тряпкой, и словами – ни в какую...

Похоже, сексуально-собачьи проблемы Идочки несколько не взволновали Эру Гигантовну. Она задала мне еще пяток совершенно пустых вопросов – и собралась откланяться.

Взгляд исподтишка...

Сухие, породистые черты доберманиши из элитного питомника. Возраст еще не тяготит, лишь добавляя опыта и умения оседлать ситуацию столь же легко, как выбранного на ночь мужчину в постели. Косметики мало, лишь рот чуть тронут перламутром помады, и тушь на длинных ресницах практически незаметна. Ей пошли бы очки, дымчатые стекла в тонкой оправе из золота-обманки, но очков нет, и карие глаза смотрят коротко, остро, будто опытный кровельщик вбивает гвозди в черепицу.

И еще: машинальная отточенность жестов – мелких, внятных, как у актрисы, привыкшей играть крупным пла-

ном.

Вот она какая, Эра Гигантовна, старший следователь прокуратуры...

Вот тут-то и раздался очередной требовательный звонок в злосчастную дверь моей квартиры. Оказывается, визиты на сегодня не закончились; более того, у меня возникло странное предчувствие, что они только начинаются!

Идочка, мой добровольный швейцар и ангел-хранитель, уже сражалась с замком – и в прихожей почти мгновенно воздвигся бравый сержант-жорик Ричард Родионыч. А следом за Риткой из клубов морозного пара высунулся обширнейший нос, под которым обнаружилась широченная ухмылка моего однокашника Ефимушки Гаврилыча Крайцмана, кандидата... нет, с недавних пор доктора биохимии!

Похоже, я никогда не смогу привыкнуть к очевидному для всех и невероятному для меня: Фима-Фимка-Фимочка, Архимуд Серакузский, теперь доктор!

Мой пес немедленно принялся к свертку в Фимкиных руках и, радостно повизгивая, уставился мне в глаза со всей возможной преданностью.

– Ну уж тебя-то не обойдут! – успокоил я серого проглота, и псина с веселым лаем бросилась встречать гостей, едва не сбив при этом с ног зазевавшуюся Идочку.

– Очухался, очухался, алкаш хренов! – заорал с порога Ритка, обличающе тыча пальцем в мою сторону. – Гляди,

Фимка, гляди, что творит! Полный дом баб навел, чаем их поит!

Это я, значит, навел...

– Ты, Алик, не устаешь нас поражать, – поддержал Крайцман мерзавца-служивого. – Насколько известно науке в моем лице, ты единственный, кому удалось допить до трехдневного беспробудного бодуна!

Жизнь становилась прежней. Все происходило само собой без всякого моего вмешательства. Я только стоял, слушал их беззлобную болтовню, наблюдая, как мои приятели отряхивают снег и разоблачаются – и вот они гурьбой набились в кухню, бесцеремонно разглядывая следовательшу, строящую им глазки, а Ритка жорским чутьем угадывает профессию (а может, и звание) моей гостьи, вытягиваясь по стойке «смирно», но Эра Гигантовна благосклонно машет ему ручкой, а тут вдобавок Фимка отодвигает нашего сержанта в сторону и запоздало лезет ко мне обниматься. Идочка выходит из ступора и скачет вокруг нас с писком: «Отпустите! Немедленно отпустите больного! Вы септический!», и Фима отпускает меня, Идочка успокаивается, все, кроме Ритки, рассаживаются и дают мне отдышаться, а заодно и задуматься о будущем.

Впрочем, о будущем позаботились без меня – судя по Риткиной фразе: «Мы тут тебе... в смысле, вам с Идочкой пожрать принесли».

– Вот именно, – подтверждает Фима, шурша оберточной

бумагой.

В принесенном пакете обнаруживается ветчина, при виде которой мой пес неприлично визжит от радости, сыр, хлеб, апельсины, один лимон, полулитровая банка с подозрительной мутной жидкостью («Бульон», – успокаивает Крайц) и прочие дары волхвов в ассортименте.

Фимка еще шуршит и достает, а взбесившийся дверной звонок вслух предупреждает меня, что «предчувствия его не обманули»!

Это пришла тетя Лотта, радостно всплеснув озябшими ручками при виде меня в добром здравии – и чуть не уронив из-за этого судок с борщом и котлетами.

Зазывая старушку в комнату и уговаривая ее не стесняться, я обнаруживаю, что пес обрадовался тете Лотте гораздо больше, чем принесенной Фимой ветчине.

Знает он ее, что ли?

В смысле, знает тетю Лотту – в том, что пес знает ветчину, сомнений не было.

В квартире воцаряется полный бедлам: все наперебой осведомляются о моем самочувствии и дают разные полезные советы, от которых Идочка только фыркает и шепчет мне на ухо, чтобы я не вздумал этим советам следовать, если хочу дожить до старости; мне предлагают съесть и то, и другое, и еще вот это, – я послушно киваю и жую то и другое, и еще вон то, пытаясь одновременно говорить, а все делают вид, что понимают меня, хотя ни хрена они не понимают,

потому что я и сам себя не очень-то понимаю: а понимает меня один только серый пес, которого я потихоньку кормлю обрезками ветчины. Ритка гудит о предстоящем то ли в субботу, то ли в воскресенье (правда, непонятно, на какой неделе!) санкционированном митинге кентавров, который явно грозит нарушить установившуюся в городе относительную тишину; Фима проклинает свою промышленную экологию и поганые биофильтры, которые все время летят, но после целевой заутрени и вмешательства окраинных утопцев фильтры перестало клинить, зато заклинило Фиму, несмотря на его замечательную докторскую степень. Тетя Лотта сперва увлеченно рассказывает о двух батюшках-отступниках, на позапрошлой неделе едва не сорвавших службу в Благовещенском соборе и даже грозившихся предать анафеме прихожан вкупе с самим владыкой: потом она без видимого перехода начинает сокрушаться о пропавшем Ерпалыче, пес лижет ей руки, а следователыша из прокуратуры очень внимательно слушает старушку и даже что-то записывает; короче, я и не заметил, как кто-то притащил из холодильника водку.

«Столпер-плюс», с портретом Столпера-равноапостольного на этикетке – люблю ее, она лавровым листом отдает, на послевкусии.

Увы, Идочка безошибочно вычислила виновного, набросившись на Фимку – поскольку, по ее словам, я еще не оправился от болезни, и в ближайшие лет пятьдесят не оправ-

люсь, если у меня такие друзья! – я развожу руками, встаю и, дабы не впасть в искушение, отправляюсь в туалет.

– На прошлой неделе одного дурака-рэкетира брали, – доносится до меня веселый бас Ритки, и я задерживаюсь в коридоре, чтоб послушать. – Долги под заказ из должников вышибал. Способ, дескать, колдовской разведаль, чтоб без проблем. Я у него, когда наручники нацепил, спрашиваю: что за способ? А он мне серьезно так: очень просто, служивый! Берут два яйца двумя пальцами, протыкают иглой трижды с двух сторон...

Первым хрюкнул Фима-Фимка-Фимочка.

– ...с двух сторон, значит, потом опускают яйца в кипящую воду с солью и перцем...

Деликатный смешок – это следовательша; и почти сразу мелко захихикала тетя Лотта, старая заговорщица.

– ...потом дверь на замок, ключ в кипяток, и поешь фальцетом: *«Черт приносит того, кто просит! Замок я закрыла, долг в яму зарыла, забрала у пакостника иль убила!..»* Ну, дальше я не помню. И напоследок...

– Чего это вы все хохочете? – слышен мне обиженный возглас Идочки. – Нет, правда, что тут смешного?!

– А главное напоследок, – заканчивает Ритка, весь сотрясаясь в пароксизмах. – Главное в том, что ключ с яйцами вареными надо снести на могилу с именем должника, а замок от двери – на могилу с именем кредитора! Я у него спрашиваю: и что, впрямь никаких проблем? Кивает, зар-раза... ес-

ли, говорит, гостинцы на могилы снести не забудешь, то никаких...

Ухмыляясь, покидаю коридор.

Ну, Ритка, ну, шалопай...

Заперев дверь туалета на задвижку и отгородившись ею от слабо доносившегося из комнаты гула голосов, я вздохнул с облегчением. Ну и денек сегодня! Одно могу сказать: Идочка – молодец. И как сестра милосердия, и вообще... Или это наша первая встреча в ванной так на меня подействовала? Вряд ли: что я, голых баб не видел?! Видел. Да и не голая она была, хотя и пес на нее как-то так косится, и я – тоже кобель еще тот...

Тоненькая пачка листков в клеточку вываливается из моего кармана на кафель пола, я вспоминаю, откуда у меня взялись эти листки – и поскольку сидение в туалете располагает к чтению, по-новой углубляюсь в письмишко Ерпалыча.

Мысль отдать листки Эре Гигантовне возникает несколько позже, и убедительностью эта мысль не обладает.

«Акт творения»

(страницы 3-9)

*...Вот так я впервые и познакомился с сектантами
Волиебного слова. Впрочем, к тому времени их почти*

никто не звал сектантами, особенно в кулуарах городского филиала НИИПриМ.

Института прикладной мифологии.

Через неделю приглашают меня на Космическую 28, в этот самый ПриМ, к трем часам дня. Попросили рукопись почитать – дескать, знают, что я в часы досуга литературкой балуюсь, и намереваются издать. Ничего, что не по профилю, ничего, что у них не издательство, зато лицензия есть. Вы только не удивляйтесь, Алик, но я тогда вроде вас был, графоманил помаленьку. Цельный романище нарисовал. Финал один остался. Разве что вы с «Быка в Лабиринте» начали, а меня с самого начала на Геракле зациклило. Павише там всякие, жертвы, Семья Олимпийская... Одно удивительно, Алик: с такой скудной подготовкой, как у вас, прийти к сходным взглядам на Элладу XIII-го века до нашей эры можно было лишь... одно скажу – талант! Матерый вы человечеще!.. не обижайтесь, шучу. Короче, почитали в ПриМе мое бумагомаранье, посетовали, что не до конца дописано, поговорили со мной по душам и работу предложили. Завалили по уши всякими Аполлодорами, Павсаниями, Ферекидами, Диодорами Сицилийскими в ассортименте; а от меня требовалось – «сумасшедшие допуски и сумасшедшие выводы»! Комнату мне выделили, то бишь кабинет, компьютер поставили. Меня еще удивляло поначалу – какого рожна я, словоблуд-эллинист, им зандобился? Потом уже понял: синтетиков у них не хватало. Информации

валом, а непредвзятых голов, которые способны на любое безумное допущение, на синтез несовместимого – этого не было.

Забегая вперед, добавлю: книжку мне они-таки издали. Гонорар выдали, неплохой гонорар по тем временам, впридачу десять авторских экземпляров, которые я за три дня друзьям раздарил... Спрашивал: почему в нашем городе книга не продается? Сказали, что книготорговцы весь тираж увезли за кудыкины горы, где цены выше. И то дело – не отвечать же мне, дураку, что десятью экземплярами все издание и ограничилось! Не для того Молитвина Иеронима Павловича на работу брали...

Отдел, по ведомству которого я числился и даже зарплату получал, назывался «МИР». В смысле «МИфологическая Реальность». Не самая удачная аббревиатура, но сойдет. Слыхал я, хотели сперва «Мифрел» назвать, но у одного британского профессора уже похожее слово проскальзывало.

Решили, видимо, что нашим осинам дубы Ее Величества – не указ.

Приятель мой, что телевизор умасливал, там же вкалывал. Он мне и поведал (после того, как взяли с меня подписку о неразглашении), каким образом в нашем городе окопалась секта Волиебного слова. Прорвало в середине 90-х городские очистные сооружения. Город почти все лето без воды, эпидемия грозит – тут дюжина отчаянных голов и решила: прадеды, когда с озером нелады, шли на поклон

к водянику, когда с домом проблемы, домовому кланялись, если в лесу беда, лешему мед или там девок носили-водили... Отчего не попробовать? Термин придумали: болевые точки окружающей среды. Вроде иглоукалывания. Для них леший не леший, а персонифицированная активизация саморегулятора лесомассива, воздействовать на которую путем локальных приношений... Не пугайтесь, Алик, я дальше не буду, самому больно было всю эту дребедень слушать. Поначалу не выходило ничего, хоть полдома баклажаном измажь, а там глядь – сперва по мелочам, дальше больше: канализация фурьчит, электроприборы на «ять», про ремонт квартир и думать забыли!

Вот так впервые к Тем и достучались; я имею в виду – к городским Тем, поскольку к Тем природным пращуры наши достучались еще во время оно.

Достучались – и в конечном счете угробили практически всех.

Только не считайте, что наши с вами соотечественники самые умные. Секте Волебно́го слова, как я понял, еще на тот день лет сорок было, не меньше. И ареал распространения – широчайший. От черных кварталов Чикаго (этим жизненный прагматизм еще не всю веру в Вуду вытравил) до неоновых реклам Токио, где не раз в канализации видали водяного-каппу с темечком, полным воды. Просто помалкивают они: кому охота рай обетованный на психушку менять?!

И удивляться не стоит. Город – он ведь тоже среда, вроде природной... чем мы хуже предков? Тем, что умнее? Так поглупеть – дело недолгое! Оглянись, горожанин: кругом свои скалы и озера, свои солнце и звезды, свои засухи и наводнения! Нарушили баланс – и загнулись! Причем никакого самовосстановления, как в природе, не наблюдается, и даже наоборот! Приходится все время поддерживать нормальный режим существования, быть рабом среды, пахать на нее, родимую... Познакомился я там с одним старичком, из профессоров кислых щей, тема у него была – «Акт творения». Он мне и рассказал, что в классических мифологиях актов творения мира фактически два: глобальный и локальный, вторичный. Первый, абстрактный – это когда мышка бежала, хвостиком махнула, Яйцо Браммы и расколосось; или там Небо с Землей инцесты почем зря крутят. Второй акт, конкретный – это уже потопа, извержения, род людской на краю гибели и начинает все сызнова. Умный был старичок, дотошный, одного понять не мог: почему у тех замов-завов, кто его работу курировал, выправка армейская? Очень уж его это дело волновало... а еще его волновало, что если момент превращения крупных мегаполисов в окружающую среду, аналогичную природной, можно считать первым Актом творения (мир, в котором можно жить, созданный конкретным Творцом(ами) – остальное сути не меняет); то когда и каким образом произойдет второй Акт нашей драмы?

Я же интерес его считал исключительно умозрительным, под чаек из термоса.

Он мне и позвонил, когда Большая Игрушечная шарахнула. Только и успел в трубку крикнуть:

– Акт творения! Ах, сволочи...

Это потом, Алик, все свалили на террористов. Будто бы игра такая была у подростков: игрушечные бомбы по городу прятать и с электронным детектором искать потом и обезвреживать – а проклятые террористы в дюжину-другую бомбочек краденого урану напихали! Действительно, была такая игра, модная до чрезвычайности, пацанва с ума сходила, да и бомбочки безопасные были – пиикнет фейерверком, и все!

Может, и террористы.

А мне все думается, что прав был старичок: эксперимент над нами поставили, Алик! Второй Акт творения в одном, отдельно взятом за задницу, городе! Уцепить обывателя за шкурку, как неразумного кутенка, сунуть за грань выживания и заставить искренне, истошно, до поросячьего визгу поверить в Тех пополам со святыми, ибо большие верить не во что. Своими-то силами городскую инфраструктуру ничем не восстановить, у правительства в амбарах шаром покати, а на переезд в другой город не у каждого деньжата найдутся! Вы вот, возможно, уже плохо помните, а я как сейчас вижу: весь квартал в руинах, местами радиацией треицит-подмигивает, а в одном-разъединственном доме и свет тебе, и вода горячая,

и отопление, и развлекательное шоу по телевизору! Тут уж во что хочешь поверишь! И всех дел – мольбы вовремя возноси да жертвуй исправно! Жми на болевые точки среды и заставляй саму себя лечить!

Православная церковь у нас первой поняла, что значит истинная вера высшей пробы, особенно когда мольба подтверждается сиюминутным результатом, и результат можно пощупать, потрогать и в рот сунуть. В самом скором времени на газовых плитах объявились «алтарки», в продаже возникли справочники со сноской внизу, прямо на обложке: «Какому святому в каких случаях следует молиться»... Алик, до смешного доходило, до курьезов! Вы вот не помните, а мне доводилось видеть и такие абзацы: «XXXVII. Кто идет в лес или лесопосадку. Взывать к царю Соломону (до Р.Х.) – и поможет тебе. (Молит. 228)». И зывали: туристы кросс вдоль березнячка чешут и хором:

– Царю Соломоне, премудрый бывый, охрани мя от гнуса болотного, от растяжения связок...

Ладно, не будем прошлое ворошить.

Мы ведь до сих пор на карантине, Алик, вся область закрыта. Негласно, правда. Эмигрировать из города можно: отец ваш уехал, и мои некоторые знакомые – ведь о жизни нашей кому рассказать, никто не поверит; зато приехать к нам далеко не всякий сумеет. Сейчас это и не особо важно: те, кто к моменту Большой Игрушечной только взрослеть начинал, вроде вас и младше, в любом нормальном городе жить и не

*сумеют! Куда вам ехать?! Вы к кентаврам привыкли, к лотерейным молебнам по графику, к заговорам от короткого замыкания! Вас ночью подыми с постели, вы наизусть, как попка, отбарабанили, кому за что свечка положена: Луке-евангелисту (кто идет в огород садить), мученику Вонифатию (исцеление от запоя), святителю Митрофану (в заботе о должности)... Я прав?! Вам моя центральная квартирка с плитой без «алтарки» уже странной кажется, а в другом-каком городе все квартирки, все плиты пока что такие! Ведь все живут в реальности обыденной, а мы с вами примерно десятилетие живем в реальности **мифологической!** Другие законы, другие правила игры, другой образ существования и со-существования! Нам Минотавр какой-нибудь или там трудоустроенный утопек из горводслужб понятней, чем брат родной, живущий за пару сотен километров от нашего города! Ведь в любом нормальном месте любой нормальный человек отчетливо представляет, что вокруг только **Эти**; а у нас и **Эти**, и **Те!** Мы даже не замечаем, что у нас город навыворот! Ну вот мы и пришли к самому главному.*

Кое-что мне мой старичок еще тогда...

...И вдруг мои сумбурные чтения в «кабинете задумчивости», совмещенном с ванной комнатой, были прерваны самым неожиданным образом.

Кафельная плитка на стене справа от меня начала вспучиваться, словно даже плавиться, и из нее высунулась жили-

стая склизкая ручища с обломанными ногтями. Лапа эта попыталась за что-нибудь ухватиться, я отшатнулся, не успев еще испугаться – и тут толстые пальцы вцепились в трубу, ручища напряглась, и из стены выбрался тощий голый человек со спутанной гривой бесцветных волос.

Выбрался и в упор воззрился на меня.

Нет, не человек.

Исчезник.

Тот, что в стене сидит.

– Абрамыч, – сказал исчезник, пришепетывая и воровато озираясь. – Здорово, Абрамыч.

– Здорово, – машинально отозвался я, чувствуя себя, мягко выражаясь, не в своей тарелке: сижу, понимаешь, на унитазе со спущенными штанами и с исчезником лясы точу!

И кукиш ему в рыло ткнул: для налаживания контакта.

Зад-то и так у меня голый, чего уж дальше заголять?!

– Ты вот что, Абрамыч, – забормотал исчезник, не обращая ни малейшего внимания на приветственный кукиш, а также на мой непрезентабельный вид, – ты это, значит... Не ищи ты старикашку, ладно? Забудь. Дрянной он старикашка! Совсем дрянной. Хуже некуда.

Он подумал и поправился:

– Есть куда. Станешь его искать, разговоры ненужные разговаривать – тебе, Абрамыч, ой, куда хуже будет! Живот не болит? Очень болеть станет. И не только живот.

В дверь что-то заскреблось – и тут же в коридоре раздался

оглушительный лай.

Исчезник дернулся, отскочил поближе к стене, присел на корточки, в упор глядя на меня пронзительными немигающими глазищами без зрачков... Неуверенный он какой-то был. Неправильный. Уж больно смахивал на воришку, которого вот-вот поймают на горячем.

Снаружи слышались возбужденные голоса, пес лаял не переставая, и почти сразу грянул Риткин бас:

– Алька, с тобой все в порядке?

– Думай, Абрамыч, – исчезник наполовину втиснулся в стену, облизал черным языком края безгубого рта. – Крепко думай. Чаше в нужники ходи.

И исчез.

Бесследно.

Как и положено исчезнику.

В следующую секунду дверь с грохотом и треском распахнулась, отлетевшая задвижка, чуть не выбив мне глаз, срикошетила от крышки мусорного ведра и булькнула в таз с водой, забытый Идочкой в ванне.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.